

Ключ из желтого металла

Автор:

Макс Фрай

Ключ из желтого металла

Макс Фрай

«Ключ из жёлтого металла» – книга знаменитого писателя Макса Фрая для тех, кто любит разгадывать тайные шифры, скрытые в древних знаках и предметах. Главный герой книги 33-летний Филипп Карлович «свободный человек мира», который имеет возможность отдыхать, путешествовать по всему земному шару и скучать. Но в один день жизнь Филиппа переворачивается. Случилось то, о чем он даже не подозревал. А все началось с простой просьбы его отца Карла, который, уезжая на гастроли с концертом, попросил Филиппа привезти ему из Праги одну вещицу – ключ от тайной комнаты в его старой квартире. Дело в том, что отец Филиппа с детства одержим коллекционированием старых ключей. Он всегда считал, что можно всегда найти дверь, к которой подходит ключ из его коллекции. И в некоторых случаях ему это удается. Но вот парадокс: в его собственном доме есть таинственная дверь, к которой нет ключа. И неожиданно на одном из сайтов коллекционеров он знакомится с человеком из Праги, который утверждает, что у него есть оригинал ключа от двери Карла. Филипп едет, чтобы взять ключ, и неожиданно попадает в фантастические переплеты. Ценители творчества Фрая без труда заметят в сюжете книги параллели со сказкой Алексея Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино»: ключик из «желтого металла», таинственная дверь, имя Карл. А также узнают других персонажей: девушку с цветными волосами, ее приятеля, который может превратиться в пса (Мальвина и Артемон); отчаянно влюбленного в девушку парня (Пьеро); попутчиков, обманувших наших героев в ресторане (кот Базилио и лиса Алиса). В одной из глав даже всплывает на свет божий старый букварь, который папа Карло подарил Буратино. Старая сказка, шпионский детектив и современная реальность – все в один коктейль мог смешать только Макс Фрай!

Макс Фрай

Ключ из желтого металла

Книга публикуется в авторской редакции

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Петр закрыл за мной ворота.

– Су-дье! – старательно, по слогам произнес он, переиначив иностранное слово на привычный лад, и требовательно уставился на меня в ожидании восхищенной гримасы – дескать, во дает, силен, собака, мать его! Смятения чувств я, прямо скажем, не испытывал, но исполнил свой мимический долг и аккуратно переместил ступню с тормоза на газ.

Здесь охранник не полиглот; сомневаюсь, честно говоря, что он осилил какой-нибудь иностранный язык хотя бы в рамках убогой школьной программы. Но его снедает благородная страсть коллекционера. Петр собирает, записывает и заучивает наизусть формулы прощания на разных языках. Чопорному литовскому «sudie» я сам его научил, блеснул эрудицией, а это было непросто, всякие там «гуд бай», «ауфидарзейн», «адью», «чао», «аста ла виста» и даже «до видження» Петр узнал задолго до моего появления в этом дачном поселке, обитатели которого пересекают всевозможные государственные границы чаще, чем порог охраняемых Петром врат. Я оказался очень полезным знакомством: старожилы и их гостей любознательный охранник давным-давно выпотрошил, а в его белом линованном блокноте осталось еще много чистых страниц.

Я вошел в его положение и взялся пополнять коллекцию. Благодаря мне в блокноте Петра появились татарское «сау булыгыз», эстонское «нягемисени», голландское «дуй», латышское «уз рэдзэшанос» и венгерское «висонтлаташа»;

за зиму его коллекция украсилась узбекским «хаер саламат булсин», гэльским «дья дйт», грузинским «нахвамдис» и одиозным китайским «хуй цзиень», а я все не мог успокоиться, продолжал расспрашивать знакомых и открывать словари в книжных магазинах – в те редкие дни, когда выбирался в Москву.

Не то чтобы мне так уж нравился охранник Петр, скорее наоборот, у деда благодарность за безупречную службу в органах на лбу написана, а подобные надписи, скажем так, не совсем в моем вкусе. Но у меня страсть пополнять чужие коллекции. Как начал в пять лет таскать отцу все найденные на улице ключи, так до сих пор не могу остановиться.

Однако петровская эпоха в моей жизни закончилась; вряд ли я когда-нибудь сюда вернусь, разве что в гости к Пашке, любезно одолжившему мне свой белокаменный терем для сложной, но поучительной лабораторной работы на тему: «Сведет ли меня с ума зима в Подмосковье?» Результат, на мой взгляд, вышел отрицательный; впрочем, со стороны, говорят, виднее. Ну вот и проверим, встреча с крупнейшими экспертами в этой области состоится не далее чем завтра.

– Са-ё-нара, Филипп Карлович, – пробасил мне вослед страж ворот.

Надо же.

Мне нравится Москва, но это совершенно не мешает люто ее ненавидеть. Она – враг, которому я сдаю одно сражение за другим. Все мегаполисы – пасти многоглавого Кроноса, а Москва – самая ненасытная из них. Она алчно пожирает мое время, а значит – меня самого. По большому счету, у человека нет ничего, кроме времени и способности осознавать его течение; впрочем, у подавляющего большинства способность эта изрядно притуплена, но меня миновала милосердная длань небесного анестезиолога, я постоянно, всем телом ощущаю, как течет через меня время, проливается через край, утекает. К этому я более-менее привык, вернее, научился отвлекаться, но в Москве время хлещет из меня как кровь из рваной раны, так стремительно, что только искренняя ненависть к агрессору помогает мне не удариться в панику.

Первым пунктом программы у меня значится Старомонетный переулок в Замоскворечье, одна из четырех квартир, купленных по случаю во времена моей

персональной эпохи больших денег, бурной и непродолжительной. Теперь они обеспечивают мне безбедное и восхитительно бессмысленное существование. Я, кстати, еще в пятом классе, начитавшись романов из отцовской библиотеки, честно написал в сочинении, что, когда вырасту, хочу стать рантье. Это была моя первая двойка по литературе и третий, если не ошибаюсь, грандиозный скандал с участием завуча, даже Карла вызвали в школу; он, впрочем, разочаровал педагогов, горячо одоббив мой выбор, хотя смеяться, конечно, мог бы и поменьше.

И чего, спрашивается, было шум поднимать, вышло-то все по-моему, как всегда – уж если я чего-нибудь захочу по-настоящему, так и будет, даже если ради этого придется изменить государственный строй на одной шестой части суши; мне бы теперь еще вспомнить, как это – хотеть по-настоящему. Давно уже ни хрена не получается, я и пробовать перестал.

Квартира в Старомонетном – самая маленькая и неустроенная, единственная, которую я не сдаю. Считается, что я здесь живу, на самом деле, большую часть времени тут просто хранится барахло и пылится мертвая араукария, чья неуспокоенная душа, не сомневаюсь, гремит по ночам призрачными осколками глиняного горшка. Должна же быть в моей жизни хоть какая-то мистика.

Вот и сейчас я просто прибавил к куче хлама еще две сумки, извлеченные из багажника, даже проветривать помещение не стал – некогда, потом когда-нибудь, или никогда, проживем – увидим.

Далее – Белорусский вокзал. Дорожный саквояж в камеру хранения, жетон с номером в карман, и бегом наверх, новый владелец моего «Фольксвагена» уже ждет, нахохлившись, под часами. Машину он осматривал третьего дня, остался доволен настолько, что почти утратил способность торговаться; всего-то хлопот – отдать ключи и заранее приготовленную генеральную доверенность, забрать деньги – минутное дело. Я всегда стараюсь избавиться от машины, если уезжаю из города больше чем на месяц, а вернувшись, покупаю новую, практически первую попавшуюся, мне лень подолгу выбирать, и, по правде говоря, не имеет значения, на чем ездить, поначалу я в восторге от любого автомобиля, просто потому, что он новый, а через неделю надоеет, мне быстро все надоедает, и знал бы кто, как я сам себе надоел за тридцать лет и три года.

Из Замоскворечья пешком до Малой Дмитровки, эспрессо, еще один эспрессо, Пашка наконец явился, отдаю ключи, сославшись на дела, отказываюсь от

предложения пообедать. Он классный, мутная рыба с добрейшим сердцем, он, как говорится, настоящий друг, точнее, редчайшая разновидность приятеля, готового, в случае чего, помочь делом, легко, на бегу, искренне полагая всякий свой великодушный поступок сущей ерундой, а единственной адекватной реакцией спасенного – разовую устную благодарность; словом, Пашка настоящее сокровище, но мне не о чем с ним говорить, и не только с ним. По идее, молчание должно было осточертеть мне за эту зиму, но я только начал входить во вкус, поэтому обедать буду один. Или вовсе не буду, жрать мне, кажется, тоже надоело, хотя время от времени хочется, конечно, но сам процесс – изо дня в день одно и то же, жевать, глотать, тьфу.

Теперь книжный магазин и еще один книжный магазин, Карл спохватился в последний момент, длиннющий виш-лист вчера прислал, всех его заказов я, конечно, не исполню, тут, по-хорошему, хотя бы неделя на поиски нужна, но примерно четверть списка мне вполне по силам. Чашка кофе на бегу, потом еще одна – на этой стадии мне требуется не столько кофеин, сколько пауза, чтобы перевести дух, проглядеть купленные книги, покоситься на часы, вздрогнуть, выругаться, вскочить, шаря в карманах, и, не дожидаясь сдачи, убежать. До поезда всего пятьдесят минут, а мне еще предстоит долгая изматывающая поездка на Белорусский вокзал, целых, страшно сказать, две остановки на метро.

Сделал всего ничего, даже пожрать не успел, а шести часов моей жизни как не бывало – обычное дело, в Москве все так живут, вечно ни черта не успевают, кроме самого необходимого, да и то за счет сна; здесь, кажется, нет ни одного человека, который может позволить себе спать, сколько хочется, даже дети хронически недосыпают. Однажды жители этого города сойдут с ума от усталости, остается надеяться, что все в один день, так им будет проще освоиться, а я сюда – ни ногой, по крайней мере, в ближайшие месяцы, а потом будь что будет.

Истекая временем, я рухнул на бархатное, синее с золотом, покрывало и вознес привычную дорожную молитву: «Пожалуйста, Господи, никаких соседей, будь человеком, очень Тебя прошу». Окажись я сам на месте Бога, вряд ли потрудился бы исполнять капризы церковно необработанного мизантропа, вспоминающего обо мне только перед отправлением очередного поезда дальнего следования, однако Он, в отличие от меня, не мелочен, молитва, как всегда, подействовала, в мое купе никто не вошел. А когда поезд потихоньку отполз от платформы, края рваной раны стали затягиваться, время мое

загустело и замедлило ход, так что при известном воображении вполне можно было представить, что его хватит еще очень, очень надолго, а может быть, даже навсегда. Прежде у меня это получалось, а теперь не очень, но надо стараться.

Проводница забрала билет, включила телевизор и, не дав мне опомниться, ушла. Бедняжка, надо думать, убеждена, будто включить телевизор – благодеяние такого масштаба, что мнения облагодетельствованного можно не спрашивать, кто же в здравом уме от своего счастья откажется? Считается, вероятно, что каждая минута, проведенная в тишине, – почти непереносимое мучение; возможно, это уже неопровержимо доказали британские ученые и увидели из космоса астронавты. Прежде пассажиры добирались до станции назначения истерзанные молчанием, едва живые от этой муки, а теперь наступил золотой век, еще немного, и конфискация телевизора останется единственным уголовным наказанием; впрочем, ООН быстро приравняет этот варварский метод к пыткам и искоренит повсеместно, можно не сомневаться.

Я бы мог еще долго исходить желчью, но наконец нашел тщательно замаскированную кнопку, выключил визгливую дрянь и, довольный собой, усталый в окно. За окном мелькали подмосковные дачи, по большей части, скромные деревянные курятники. Солидные дома, вроде моего бывшего загородного убежища, возле железнодорожного полотна не строят. Москва осталась позади, и черт с ней, я живу здесь только ради невыносимого счастья регулярно ее покидать. Страшно подумать, какой кайф я словлю в тот день, когда наконец уеду из Москвы навсегда, того гляди сердце не выдержит. Оно и сейчас-то едва справляется, отвыкло за зиму от бурных положительных эмоций, поэтому придется посетить вонючий тамбур и испепелить там сигарету-другую, этот процесс чрезвычайно меня успокаивает.

Справедливости ради следует отметить, что в тамбуре, вопреки моим прогнозам, пахло не жжеными портянками – обычный аромат практически всех сортов сигарет, какие можно найти в широкой продаже, включая самые пафосные, они, честно говоря, даже хуже прочих – но медом и черносливом. В смысле, великолепным трубочным табаком, на фоне которого даже я со своей благородной вишневой самокруткой буду тварью смердящей – непривычная позиция. На радостях я даже извинился.

– У меня хороший табак, но не трубочный, так что сейчас испорчу атмосферу, простите.

Обладатель трубки, чье лицо было почти полностью скрыто под длинным замшевым козырьком жокейской кепки с наушниками, сперва снисходительно отмахнулся – дескать, делайте, что хотите, но потом вдруг уставился на меня с доброжелательным любопытством ученого-орнитолога, обнаружившего редкий экземпляр древесного гриба – вроде не по его специальности находка, а все равно интересно. И я тут же пожалел, что заговорил, дал ему повод ответить, теперь, вместо того чтобы спокойно покурить, придется поддерживать светскую беседу, кто меня за язык тянул, эх.

– Вам придется многому научиться, – внезапно сказал он. – А то совсем пропадете.

Его реплика меня развеселила, по крайней мере, такое начало совершенно не походило на традиционную болтовню попутчиков о погоде и ценах на спиртное в пунктах отправления и прибытия. Так что я не стал ограничиваться вежливым кивком, ответил по-человечески.

– Учиться я уже пробовал. Три незаконченных высших, скучное оказалось занятие. Но до сих пор вроде не пропал.

– Да я не о высшем образовании. Скорее о разных практических навыках. Очень хорошо, когда человек, земную жизнь пройдя до половины, умеет водить автобус, говорить, к примеру, на датском и чешском языках, фотографировать, просыпаться в тот момент, когда сочтет нужным, накладывать грим, взламывать замки и печь пироги... – начал обстоятельно объяснять обладатель трубки и капюшона. Но вдруг запнулся на полуслове и махнул рукой: – Ладно, не обращайтесь внимания. Сами разберетесь. По ходу дела.

Я собрался было ответить вежливо и снисходительно, дескать, спасибо за доверие, разберусь непременно – но мой попутчик уже отвернулся к окну и окружил себя такой плотной завесой табачного дыма, словно к цирковому фокусу с исчезновением приготовился; исчез он или просто отправился потом на свое место, неведомо, потому что я ушел раньше и больше его не видел – ни в тамбуре, ни в коридоре, ни за приоткрытыми дверями чужих купе, ни даже на платформе в Вильнюсе, хотя это как раз легко объяснимо, он мог преспокойно выйти в Смоленске, Минске или на любой другой промежуточной станции.

Я люблю спать в поездах, но железнодорожное расписание редко согласуется с моим режимом дня. Эти негодяи так и норовят прибыть к месту назначения с утра пораньше и испортить мне все удовольствие. Поезд Москва – Вильнюс не исключение; в этом смысле он даже хуже прочих: заснуть мне удастся, в лучшем случае, около трех, а в половине шестого приходят белорусские пограничники, еще час спустя – литовские. С ними, впрочем, общается мой автопилот. Звезд с неба он не хватает, но показывать документы и приветливо говорить таможенникам волшебную формулу: «Только личные вещи» – обучен. Однако в семь проводница приносит горчайший в мире кофе, доверчивый автопилот пробует его, соблазнившись запахом, и вот тогда-то просыпаюсь я, такой злой и несчастный, что бедняге автопилоту страшно оставаться в одном купе с этим типом. Обычно он запирает меня в туалете, благо там всегда есть чем заняться – например, бритьем, с которым мой автопилот в одиночку, увы, не справляется, сколько его ни учи.

А ровно в семь сорок пять мы с автопилотом выходим на перрон. Я несу саквояж, а он бежит к банкомату за наличностью, я кормлю монетами кофейный автомат, а он оглядывается в поисках таксистов, я говорю: «Нет уж, пешком», – а он раздраженно фыркает: «Тогда справляйся сам, я умываю руки», – и поспешно прячется на одной из окраинных планет моего внутреннего космоса, еще не открытых моими внутренними астрономами. А я иду в город – пешком, с тяжеленным саквояжем в одной руке и теплым картонным стаканчиком в другой, оставляя за собой шлейф кофейного аромата.

С каждым шагом, по мере повышения уровня кофеина в крови, органическая жизнь кажется мне все более приемлемым занятием; минут через десять, выбрасывая пустую картонку в урну на улице Базилиону, я уже согласен считать бытие скорее удовольствием, чем тяжелой работой, и это правильно, потому что только в таком настроении можно входить в Старый Город через Врата Зари, под ликующий птичий гвалт, благодатным дождем изливающийся с небес. У самых ворот я всегда замедляю шаг, и тогда поднимается ветер, он бесцеремонно подталкивает меня в спину – дескать, давай, не мешкай, заходи. Я делаю шаг, другой и третий, ступаю под свод, и птичьи вопли превращаются в колокольный звон, выхлопные газы становятся ладаном и миррой, а кофеин в моей крови – качественным опиумом. Уверен, если бы у меня была с собой тыква, она бы непременно превратилась в карету, но я вечно забываю пройти мимо центрального рынка и купить экспериментальный образец.

Я вхожу в Старый Город – на заре, через Врата Зари, скулы мои пылают, глаза леденеют, а дыхание замирает. Я бесчувственное бревно; по крайней мере, это словосочетание столь часто звучало в мой адрес, что было бы глупо продолжать считать себя чувствительным куском мяса, но Вильна как-то сумела ухватить меня за сердце и с тех пор не отпускает. Рука ее ласкова, но тверда, поэтому лучше не трепыхаться; я, впрочем, даже рад, что так получилось. Приезжать в этот город – праздник, который я могу устраивать себе так часто, как пожелаю, поэтому вряд ли я когда-нибудь переберусь сюда окончательно, знаю ведь, каков будет итог: поселюсь в Старом Городе, стану дрыхнуть до полудня и раздражаться от необходимости выходить на запруженную туристами улицу; помаявшись, заведу новую зазнобу где-нибудь в радиусе тысячи километров от дома, а это чертовски глупо, лучше Вильны все равно ничего не придумаешь, поэтому следует оставить все как есть.

Апрель только начался, так что по пустынным верандам виленских кофеен гуляет ветер, а внутри нынче не курят – сами виноваты, потеряли роскошного клиента в моем лице, первая утренняя сигарета уже полчаса нетерпеливо ворочается в портсигаре, не хочу ее мучить. Поэтому «роскошный клиент» покупает очередной картонный стаканчик горькой бурды в первом попавшемся газетном киоске, размещает свое роскошное тело в роскошном пальто на сырой скамейке в чужом дворе и достает из одного кармана портсигар, из второго – зажигалку, а из третьего – телефон. Карл еще наверняка спит, поэтому звоню Ренате: приехал, иду пешком, не волнуйся. Господь с тобой, Фелечка, отвечает она, зачем бы мне волноваться? До сих пор не пропал без присмотра, а теперь уже захочешь – не пропадешь, большой мальчик, раньше надо было.

Рената кладет трубку, и я снова остаюсь один. Ну и дурень, пропасть – и то не сумел, балбес несчастный. В твои годы все приличные люди уже давным-давно без присмотра пропали, некоторые даже и по два раза, а ты? Стыдно должно быть, – говорю я себе, мой внутренний голос старательно копирует интонации Ренаты, которая через полчаса будет кормить меня завтраком, и если есть на свете счастье, то это – оно.

Но, да, только через полчаса, никак не раньше. Мой автопилот не напрасно порывался взять такси у вокзала. Карл живет на противоположном краю городского центра, на короткой, узкой улице, застроенной почти игрушечными трехэтажными домами. Об ее название – Савицкё – можно оцарапать язык, но достаточно поглядеть по сторонам, и раны затянутся. Савицкё настолько не похожа на все остальные виленские улицы, что свернувший туда случайный

прохожий обычно останавливается, словно бы упершись в невидимую стену, и растерянно оглядывается по сторонам: где я? В Вильне, где же еще, хотя улица Савицкё действительно кажется фрагментом захолустного немецкого городка, отстроенного где-нибудь на рубеже прошлого и позапрошлого веков; похоже, реальность в этом месте на миг отвлеклась, забылась, задумалась о чем-то своем и по рассеянности свернулась аккуратным тевтонским крендельком.

Посреди этого пряничного квартала Карл умудрился выкупить целый подъезд, от подвала до мансарды, увенчанной островерхой красной башенкой с флюгером. То есть сперва он купил квартиру с мансардой наверху, а потом соблазнил соседей снизу ценой вдвое выше тогдашней рыночной. Вовремя успел, нынче виленская недвижимость поднялась в цене, так что тех денег хватило бы, в лучшем случае, на флюгер. Впрочем, сослагательное наклонение совершенно неприменимо к Карлу, он все всегда делает вовремя, в самый подходящий момент, это не всегда очевидно в процессе, но какое-то время спустя непременно обнаруживается, что он опять угадал.

Меня самого считают феноменально везучим, но я-то знаю, мое хваленое везение – бледная тень Карловой удачи; впрочем, мне хватает, грех жаловаться, тем более что свой главный банк я сорвал еще в раннем детстве – заполучил лучшего в мире отца, единственный в своем роде, эксклюзивный экземпляр.

Наша с Карлом семейная история настолько сентиментальна и мелодраматична, что кажется сценарием мыльной оперы. Иметь такую биографию просто неприлично, один выход – никому никогда не рассказывать. Я, собственно, и не рассказываю, только однажды уборщице тете Саше, с которой мы прятались в подвале, когда горел наш пресненский офис, но тетя Саша – идеальная аудитория для истории о счастливом спасении сироты, ей – можно.

Началось все с того, что у Карла и моей мамы был роман, бурный и непродолжительный; потом она по уши влюбилась в заезжего артиста, а изгнанный из рая Карл уехал на первые в своей жизни гастроли и, таким образом, сам стал заезжим артистом для великого множества других девушек. Еще какое-то время спустя родился я; никаких воспоминаний о той поре у меня не сохранилось, но надо думать, мы с мамой жили вместе долго и счастливо, целых четыре года, а потом она в очередной раз влюбилась, на этот раз в альпиниста-разрядника, отправила меня на все лето на дачу с детским садом, а сама уехала в горы с новым возлюбленным; надеюсь, они прекрасно провели там время, потому что это были последние дни их жизни – обоих накрыла лавина,

обоих нашли спасатели чуть ли не год спустя, когда уже не только спасать, а и хоронить поздновато.

Все это я, впрочем, знаю только с чужих слов, зато смутно помню, что меня, поскольку близких родственников не обнаружилось, отправили в детский дом, и мне там очень не понравилось. Вроде бы никто меня особо не обижал, но там не было мамы, моих игрушек и детсадовских друзей, зато были какие-то чужие противные дети и еще более противные чужие взрослые; кажется, я постоянно мерз, целыми днями от всех прятался и думал: пусть меня отсюда куда-нибудь заберут. А потом появился Карл.

Нашу встречу я помню очень хорошо; собственно, это мое первое настоящее, связанное и яркое впечатление детства. В этот день нам на завтрак выдали по конфете «батончик», я совершенно ошалел от свалившегося на меня богатства и никак не мог решиться съесть свою конфету, обстановка казалась мне неподобающей для столь грандиозного события, поэтому я спрятал «батончик» за пазуху и бродил по двору, придерживая свое сокровище рукой, чтобы не исчезло. А потом меня позвали в дом и куда-то повели – сперва наверх, потом снова вниз; я смутно тревожился за конфету, но виду не подавал. Наконец я попал в комнату, которая показалась мне огромной, и там увидел Карла. В первый момент я решил, что он тоже ребенок, просто очень большого роста; по большому счету, я не так уж ошибся, в детстве, когда еще не знаешь толком, как все устроено, проще видеть вещи такими, каковы они есть. Карл не был похож на взрослых, которые меня окружали, а что размеры человеческого тела свидетельствуют о достижении определенного возраста, я, разумеется, еще не знал. То есть уже начал догадываться, но считал это суммой собственных наблюдений, а не жестким правилом. Словом, я подумал, что Карл – очень крупный ребенок, вероятно, новенький, с которым нужно познакомиться, и обрадовался, у этого большого мальчика на лбу было написано: «Со мной легко подружиться», – а мне в те дни очень не хватало друга.

На завтраке «новенького» еще не было, а то я бы непременно его заметил. Это означало, что ему не досталось конфеты. Надо же, как не повезло! Сочувствие придало мне решимости, я достал из-за пазухи свой «батончик», протянул его Карлу и сказал: «На, бери, не бойся, мы с тобой будем дружить». «Еще как будем, – согласился Карл. Развернул конфету, откусил краешек, остальное отдал мне и твердо сказал: – Пополам, так по-честному». Я кивнул и поспешно сунул свою долю за щеку.

Понятия не имею, как он договаривался и оформлял документы, известно же, что сироту легче убить, чем усыновить. Конечно, Карл уже в ту пору был чем-то вроде знаменитости, но органист – не киноактер, от его улыбки не открываются запертые двери и волшебные лиловые печати не появляются на казенных бумагах. Сам он говорит, дескать, ерунда, ничего особенного, знакомые помогли. Карл вообще не любитель вдаваться в подробности, это вгоняет его в тоску, так что я не настаиваю. Так или иначе, но в детском доме я оставался недолго. То есть мне до сих пор кажется, что Карл забрал меня в тот же день – вот я жую конфету, а вот мы уже в поезде, который перевернул все мои прежние представления о реальности, и Карл уговаривает меня хотя бы на минутку отлипнуть от окна и съесть мороженое, пока не растаяло. Но сам он утверждает, что в поезд мы сели только через две недели; впрочем, какая разница, главное, что сели и поехали, неудивительно, что я до сих пор так люблю поезда, сутками готов трястись в душном вагоне, вместо того чтобы спокойно долететь до места за пару часов, самому смешно.

От проспекта Гедиминаса сворачиваю вниз, к реке. Один короткий квартал, потом налево, и вот она, башенка с флюгером, в самом центре короткой шеренги нарядных строений. Кухонное окно на первом этаже распахнуто настежь, и Ренатин яблочный пирог благоухает на всю улицу, так что нарциссы в палисадниках вянут, не в силах вынести такое соперничество.

Сама Рената ждет меня в дверях – алый джемпер, широченная юбка до пят, красные домашние туфли без задников, цыганские серьги, белоснежные волосы собраны на затылке в греческий узел. Когда Рената стала моей няней, ей уже было за сорок, но она казалась мне самой красивой женщиной в мире. Собственно, именно по этой причине она и стала моей няней. Я сам с ней познакомился на улице – увидел, побежал, вцепился в подол и стоял насмерть, твердо зная, что отпускать ее, такую прекрасную, нельзя. Пока Карл с присущей ему деликатностью пытался меня отцепить, они успели познакомиться и разговориться. Выяснилось, что Рената неделю назад бросила работу, мужа, деревянный дом в Жверинасе[1 - Район Вильнюса, до сих пор застроенный, по большей части, двухэтажными домами, окруженными палисадниками.], словом, все, что у нее было, и приехала в Москву со смутным намерением начать какую-нибудь «новую жизнь», остановилась пока у двоюродной сестры, но это, понятно, не может продолжаться вечно. Карл восторжен, почуяв удачу, и тут же объявил, что ребенку срочно требуется няня, совершенно верно, с проживанием, будет вам отдельная комната, да вообще все что угодно, вы же

видите, он все равно вас не отпустит. И ей пришлось согласиться – это действительно было проще, чем оторвать меня от юбки.

С тех пор Рената почти не изменилась, да и я, по правде сказать, остался при своем мнении – она неописуемо прекрасна, даже удивительно, как Небесная Канцелярия допустила, чтобы столь совершенное существо вот так запросто бродило среди нас.

– Фелечка, – басом говорит совершенное существо, – ты когда в последний раз ел? Только не ври, что на этой неделе.

– Вчера вечером, в поезде, какую-то бледную курицу, святая правда, жрал, как миленький, потом еще по тарелке хлебом мазал...

– Ладно, – вздыхает она, – поставим вопрос иначе. Когда ты ел в предпоследний раз?

А действительно, когда? Нет ответа.

– Одни скулы остались, и нос, с ним-то все в порядке, кажется, даже еще вырос, – влюбленно ворчит Рената, укладывая на тарелку омлет размером с Кафедральную площадь. – С чего это ты на всю зиму в Москве засел, даже на Рождество не приехал? Медом тебе там намазано?

– Намазано, – мрачно киваю я. – Не медом, какой-то другой дрянью, но намазано, факт. Смурной я в последнее время, а там это всем по барабану, в смысле, никому не мешает, вот я и...

– Очень разумно, – кивает Рената. – А еще разумнее было бы сразу повеситься. Чего тянуть?

– Просто я не ищу легких путей, – огрызаюсь.

На самом деле я, конечно, ломаю комедию, меня уже отпустило, в этом доме меня всегда отпускает, прожив здесь несколько дней, я, чего доброго, снова начну врать себе, будто в человеческой жизни есть какой-то высший смысл, заранее содрогаюсь.

– Заметно, что не ищешь, – вздыхает Рената.

В отличие от Карла, которому нравится решительно все, что я делаю, Рената, я знаю, немного обижается, что я не живу вместе с ними. Пока я учился и работал, все было в порядке, в смысле, объяснимо: ребенка нет дома, потому что он занят делом, чего ж тут непонятного. Но с тех пор, как я осуществил мечту своего детства и стал умеренно богатым бездельником, ситуация изменилась. «У меня больше нет дел, препятствующих воссоединению с семьей, значит, – заключает Рената, – все дело в отсутствии желания». И это ей, конечно, неприятно. Я бы с радостью ее разубедил, да не умею, сколько раз уже пытался; впрочем, я всегда очень стараюсь, и сейчас еще раз попробую.

– Ты понимаешь, какое дело, – говорю. С набитым, между прочим, ртом, потому что никакой экзистенциальный ужас не в силах оторвать меня от Ренатиного омлета.

– Не понимаю. Сперва прожуй, – сердито отвечает она и тут же ласково улыбается, гладит меня по голове – дескать, молодец, продолжай в том же духе, лопай, пока дают.

У Ренаты легкий характер, она неспособна сердиться дольше нескольких секунд кряду. Я в детстве думал, все взрослые так устроены, и когда пошел в школу, ужасно удивился, обнаружив, что другие люди не столь отходчивы. Никак не мог взять в толк, зачем растягивать ссору надолго. Ну, рассердился один человек на другого, бывает, высказал недовольство и забыл – казалось бы, чего проще. Впрочем, я до сих пор так и не понял, зачем люди подолгу сердятся друг на друга. Жизнь и так непростительно коротка, ничего толком успеть невозможно, времени так мало, что, можно сказать, вовсе нет, даже если не тратить его на всякие глупости вроде ссор.

– Так что ты хотел сказать? – спрашивает Рената, разжигая огонь под чайником.

– Я хотел сказать, что ошибся, когда обеспечил себе возможность бездельничать. Осуществил золотую мечту человечества, думал, буду теперь вовсю наслаждаться жизнью. А вместо этого тупо сижу на заднице и размышляю о тщете всего сущего. Оказывается, если человека лишить необходимости восемнадцать часов в сутки бороться за выживание, он тут же начинает думать, зараза такая. По большей части, о смысле жизни, а такие размышления добром

не заканчиваются. Не успеешь опомниться, а уже стоишь на краю мира, голенький, беззащитный и до отвращения невежественный, не понимая, что делать со всей этой сомнительной роскошью. Впрочем, может быть, это я один такой дурак, а все остальное человечество прекрасно справляется с сытостью и досугом, не знаю. Факт, что мне тошно, и чем дальше, тем хуже. Помнишь, какой я был угрюмый прошлым летом?

Рената сочувственно кивает, и я, выдержав эффектную паузу, говорю:

– Так вот, тогда я был веселый и жизнерадостный, если сравнивать с замороченным мрачным хмырем, которого ты сейчас зачем-то кормишь. Не хотел у вас в таком виде появляться, принц датский в доме хуже вредного кота, все углы своим смятым духом провоняет, проветривай потом... Я бы и сейчас не приехал, если бы Карл не сказал, что дело есть. Дело – это святое. Особенно чужое, особенно когда своих уже давно нет.

– Очень хорошо тебя понимаю, – серьезно говорит Рената. – Сама так же маялась в твои годы. Впрочем, нет, вру, я постарше была, когда меня скрутило. Потому и уехала из дома. Так-то, на сторонний взгляд, жизнь у меня была хорошая, что называется, «как у людей». Все у меня было, только смысла в этом не было и не предвиделось. Совсем до ручки дошла, вот и устроила себе житейскую катастрофу, чтобы не удавиться в чулане. А потом занялась чужими делами – вашими с Карлом. И все как-то само собой наладилось.

– И жизнь обрела смысл? – спрашиваю недоверчиво.

– Да нет, конечно, – смеется. – С чего бы? Но мне больше не хочется удавиться в чулане. Только это и важно.

– Пожалуй, – растерянно соглашаюсь я. Хотя, на мой взгляд, просто не хотеть удавиться в чулане – это слишком мало, несерьезный жизненный итог, тем более для такого совершенного существа, как Рената. Вот мне, к примеру, удавиться вовсе не хочется, а толку-то? Впрочем, возможно, у меня еще все впереди. Оптимистический, черт побери, прогноз.

– Мне снова нравится сам процесс, – говорит Рената. – Чем дольше живу, тем больше нравится, хочешь верь, хочешь – нет. Хорошей погоды совершенно достаточно для счастья, а в плохую можно, к примеру, испечь яблочный пирог, –

для пущей убедительности Рената вынимает пирог из духовки и принимается его резать. – И никакого дополнительного смысла не требуется, – заключает она. – Как в детстве.

Вот этого я как раз не понимаю совершенно. Хотя помню, конечно, как здорово было в детстве. Процесс бытия казался столь увлекательным, что никакого дополнительного смысла действительно не требовалось, тут не поспоришь.

– Значит, ты у нас мудрая, а я нет, – говорю, принимая из ее рук блюдо с пирогом.

– Ты мальчик, – вздыхает Рената. – У тебя, считай, никаких шансов. Я мудрых мальчиков вообще никогда не встречала, кроме Карла, конечно. Но он не в счет.

– Ну да, – смеюсь, – как-никак, сын Снежной Королевы.

– Почему это?

– Неужели он тебе не рассказывал? Бабушка Анна была судовым врачом, вечно по полгода в рейсе, а Карла оставляла с Фридой, ты же помнишь Фриду?

– Помню, конечно. Но Снежная Королева тут при чем?

– Карл вечно спрашивал, почему мама уезжает, не живет дома, как все остальные нормальные мамы. А Фрида, всегда ценившая вымысел превыше скучной правды, рассказала ему по большому секрету, что мама – Снежная Королева. Дескать, после того, как Кай сбежал, она решила, что, чем чужих детишек воровать, лучше завести собственного ребенка, и тогда родился Карл. Маме здесь очень жарко, но она так любит сына, что иногда все-таки приезжает и терпит жару. А забрать его к себе, понятно, не может, замерзнет он там, потому что родился не пингином, не моржом, не белым медвежонком, а нормальным человеческим мальчиком, кто же знал, что так получится. Карл, понятно, поверил, а кто бы в пять лет не поверил? Тем более, ты же помнишь, какая у нас бабушка Анна была блондинка?

– Да уж, по сравнению с ней даже я – брюнетка, – смеется Рената. – И почти мулатка.

– Ну вот. Он лет до десяти верил, пока мама не застряла на берегу на целый год. Очень за нее переживал, особенно когда лето настало – как же она тут в такую жару? А потом в его душу постепенно начали закрадываться сомнения. Но, говорит, так и не решился спросить, не хотел подвести Фриду, вдруг она страшную тайну выдала? Поэтому вопрос, можно сказать, остался открытым. Я вот тоже думаю, мало ли? Такая наследственность многое объяснила бы.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурилась Рената, на всякий случай приготовившись защищать Карла.

– Ну как – что? Отмороженный он у нас... Положи полотенце на место! В лучшем смысле этого слова. Сто лет со мной знакома, могла бы вспомнить, что это в моих... Ната, положи полотенце!..устах... Ай, не трогай меня!..комплимент. Знаешь такое русское слово – «ком-пли-мент»? Перевести?

Она все-таки шлепнула меня пару раз полотенцем, а я голосом Санта-Клауса из «Футурамы» констатировал: «Обижает сироту».

– Не такой уж ты и мрачный хмырь, – удовлетворенно заметила Рената. – Если лупить тебя почаще.

И тут зазвонил телефон. Мое буржуйское семейство оставило за собой оба телефонных номера, завоеванных в ходе вытеснения коренного населения с территории дома, и теперь общается, не утруждая себя ни криками, ни, тем более, беготней с одного этажа на другой.

– Конечно приехал, – сказала в трубку Рената, – куда он денется?.. Ну а как ты думаешь, что еще может так пахнуть? Я-то дам, а донесет ли – это еще вопрос.

Положила трубку, подмигнула мне.

– Вот так, только собралась как следует тебя отлупить, а Карл тут как тут. Проснулся, кофе, говорит, сварил, требует тебя и пирог. Отнесешь?

– На третий?

– Куда ж еще.

Они прекрасно поделили квартиру: Ренате достался весь первый этаж – с кухней, прачечной, несметным числом кладовых и чуланов, маленьким палисадником под кухонными окнами и видом на добрую дюжину вишневых деревьев из спальни. А Карл поселился наверху, у него там узкая солдатская кровать, комнатный орган, построенный его очередным гениальным приятелем по чертежам позитива восемнадцатого века, и толстенный слой звуконепроницаемых покрытий, который сообщает апартаментам гения неповторимый шарм палаты для буйнопомешанных. Второй этаж остается нейтральной территорией – в большой проходной комнате они изредка смотрят кино, играют в шеш-беш и принимают гостей, а в маленькой спальне с окном во всю стену живу я, когда приезжаю – в среднем выходит неделя в месяц, а то и больше; вернее, так было до тех пор, пока я не заперся на полгода в Пашкином загородном доме, как последний малахольный идиот.

И какого черта? – думаю я, поднимаясь по лестнице с блюдом, источающим неземной аромат Ренатиного пирога. – Ни у кого на свете нет дома, где так хорошо, а я, дубина, не пользуюсь.

– Эту девочку зовут Филомена Моретти. И она знает о счастье гораздо больше, чем весь остальной род человеческий, – говорит Карл, принимая из моих рук блюдо с пирогом и указывая подбородком на телевизионный экран, где симпатичная брюнетка извлекает из гитары какие-то невероятно сложные комбинации звуков, кажется, одно из каприччо Паганини; впрочем, нет, не кажется, оно и есть. Номер двадцать четыре.

– Посмотри на ее лицо. Руки – ладно, есть и другие гитаристы с хорошей техникой. Но лицо! Ты когда-нибудь видел у людей такое выражение?

Карл, конечно, всегда готов сделать из мухи слона, ему только повод дай. Но, справедливости ради, следует признать, слоны удаются ему на славу, так что об исходных мухах и вспоминать не хочется. И лицо у гитаристки правда хорошее. Лично я душу продал бы за возможность ощутить переполняющую ее сдержанную, но упоительную – видно же! – радость. Однако покупатели под дверью что-то пока не толпятся.

– Хорошая, – соглашаюсь. – И ей хорошо. Как же ей хорошо!

– Ага, даже тебя проняло, – радуется Карл. – Ну и хватит пока.

Нажимает на пульт, прекрасная Филомена замирает на экране, и в комнате воцаряется полная тишина.

– Можешь открыть окно, – говорит Карл. – И садись к столу, я наливаю кофе.

Его стол – это отдельная песня. На самом деле это пианино, то есть, если быть совсем точным, пианино-стол, в начале девятнадцатого века такие многофункциональные штуки были в моде. Карл увидел одно из них, работы Леопольда Зауэра, в каком-то музее и захотел такое же, несколько лет за ним гонялся, наконец, нашел, потратил целое состояние, потом еще одно состояние – на реставрацию. Приволок вожделенное сокровище в дом и с тех пор использует как стол, письменный и обеденный одновременно, страшный бардак развел, между прочим, еще и газовую горелку в центре установил, чтобы кофе варить по утрам, не спускаясь в кухню. Такие горелки с баллончиками туристы обычно в походы берут, а Карл, кажется, дорожит ею больше, чем антикварным инструментом, говорит, горелка кардинально изменила его представления о жизни в целом и комфорте в частности.

Распахнув окно, я по пояс высовываюсь наружу и по-хозяйски озираю окрестности. Там истошно орут свихнувшиеся от весеннего солнца птицы и дети, где-то вдалеке звонко лает пес, зато автомобили помалкивают, улица короткая, тупиковая, нечего им здесь делать.

– Отвратительно выглядишь, – приветливо говорит Карл. – Ты что, бухал всю зиму?

– Ага. Страшно вспомнить. Три бутылки рома за шесть месяцев выдул – веришь, нет? С чаем, от простуды, которой заканчивалась каждая вылазка в Москву. К счастью, я туда редко ездил, а то, пожалуй, действительно спился бы, не травиться же аспирином... Тебе меня уже жалко?

– Нет повести печальнее. А такие роскошные мешки под глазами откуда?

– Как – откуда? Их на границе выдают. Всем, кто заснул под утро. А я, сам понимаешь, в первых рядах, все мешки мои.

– Да, ты шустрый, – рассеянно улыбается Карл. – Может, отпустить тебя досыпать?

– Ага, после твоего кофе. Ты лучше рассказывай, какое дело? Последний раз, когда ты говорил, что есть дело, речь шла об уборке моей комнаты; с тех пор, если не ошибаюсь, прошло лет двадцать... нет, вру, восемнадцать. Я уже извелся от любопытства. Хотя, конечно, есть версия, что это просто хитроумный способ выманить меня из норы. И правильно. Я уж сам не рад, что туда залез.

– Одно другому не мешает. Дело действительно есть. И выманить из норы тебя уже давно следовало. Чем ты там, кстати, занимался?

– Топил камин.

– Опять? – хмурится Карл. – Ну ты даешь. И хорошо горело?

– Превосходно, – вздыхаю. – Лучше просто не бывает.

«Топил камин» – сторонний наблюдатель решил бы, что это метафора, способ признаться: «Ни хрена я не делал, скучал, на стенку лез». Но Карл знает, о чем речь. Я всю зиму писал очередную книгу, закончил ее в марте и почти сразу уничтожил. Не потому что был недоволен написанным; напротив, мне кажется, я отлично справился. Я люблю и умею рассказывать истории, я в ладу с языком, хотя университетские преподаватели очень старались нас рассорить; впрочем, я быстро сбежал. Словом, я пишу неплохие книги, даже первый роман был ничего, а с тех пор я написал еще пять и многому научился, набил, так сказать, руку. Я уничтожаю написанное вовсе не потому, что недоволен собой – вполне доволен. Но просто написать качественный текст – слишком мало. И без меня куча народу так делает, число писателей скоро сравняется с числом читателей, слов, размноженных типографским способом, становится все больше, а ведь некоторые еще в Интернет свою писанину выкладывают, страшно вообразить.

Прежде чем начать суетиться с публикацией своей книги, я должен убедиться, что она нужна. Не мне и не читателям, которые, я не сомневаюсь, найдутся, дурное дело нехитрое, вон даже у сетевых графоманов есть свои поклонники, а – вообще. Настолько нужна, что реальность придет в движение, дивным образом переменится и примет экстренные меры, чтобы сохранить это бесценное сокровище. Иными словами, я всякий раз даю своим книгам шанс проявить волю

к жизни, но ни одна из них его не использовала. Мои книги хороши, но, по большому счету, не жизнеспособны, а малый меня не интересуется.

Дописав книгу, я распечатываю ее на принтере, а потом неторопливо, со вкусом сжигаю распечатку в камине, если он есть под рукой. Если нет, можно развести костер во дворе; собственно, три раза я именно так и поступал. Это не красивый жест «непризнанного гения», возжелавшего наказать жестокий мир, а просто первое предупреждение. Книга должна понять, что ее ожидает, и начать бороться за свою жизнь. Повернуть колесо судьбы таким образом, чтобы я не смог или не захотел приступить к следующему пункту программы.

Но они никогда не защищаются. Ничего не происходит – а ведь я не жду чудесных знамений, я готов обойтись без огненных словес в небесах и волхвов, рыдающих под дверью. Я бы вполне удовлетворился, скажем, телефонным звонком бывшего приятеля, который за годы разлуки стал директором издательского дома и теперь в поисках свежего материала обзванивает знакомых: «Старик, ты случайно не собираешься написать книгу, а то сейчас все пишут, вот я и подумал, вдруг ты тоже...» Впрочем, и это не обязательно, мне бы хватило автомобильной аварии – оказавшись в больнице с сотрясением мозга или переломом какой-нибудь полезной конечности, я бы понял, что книга оказалась достойным противником и сделала упреждающий ход, попыталась уничтожить меня, спасая свою шкуру. Не то чтобы я большой любитель больниц и переломов, но, случись со мной такая беда, я бы преисполнился уважения к своему созданию, а это дорогого стоит.

Но ничего подобного ни разу не произошло. И вообще ничего. Напротив, после того, как я сжигаю распечатку, моя жизнь становится на диво спокойной и размеренной, как эпизод из кинофильма «Татарская пустыня»[2 - «Татарская пустыня» (в русском прокате «Пустыня Тартари») – Фильм режиссера Валерио Дзурлини по одноименному роману Дино Буццати. И книга, и фильм наполнены ожиданием грядущей великой битвы при почти полном отсутствии действия как такового.], признанный чрезмерно скучным даже на фоне прочих, и безжалостно вырезанный при монтаже. Поэтому несколько дней спустя я сохраняю файл на каком-нибудь компактном носителе и удаляю его из компьютера. И из корзины тут же удаляю, ясное дело, настолько-то моей пользовательской грамотности хватает. Выждав еще несколько дней, я кладу в карман этот самый компактный носитель, сажусь за руль и еду куда-нибудь за город. В этот момент книге очень легко за себя постоять. Даже аварий не требуется, достаточно ниспослать мне сурового и неподкупного гаишника, или забавного попутчика, который

расскажет поучительную историю, или взбалмошную попутчицу, которая втянет меня в какое-нибудь идиотское романтическое приключение. В конце концов, можно просто перекрыть трассу по прихоти очередного правительственного кортежа, я не безнадежно туп, я умею внимательно слушать реальность, когда она разговаривает со мной. Но реальность молчит, и я благополучно добираюсь до какого-нибудь живописного водоема, на дне которого находит последний приют горемычная дискета с файлом, а я возвращаюсь домой. Выждав еще несколько дней, я вызываю мастера и требую заменить жесткий диск моего компьютера. Да-да, в превосходном состоянии, спасибо, я в курсе, а теперь замените его, пожалуйста. Я не умею восстанавливать уничтоженные файлы, но знаю, что это теоретически возможно, поэтому иду на жертвы – мало того, что деньги трачу, еще и выгляжу как идиот; впрочем, я и есть идиот, чего уж там.

После церемонии погребения жесткого диска в ближайшем канализационном люке я говорю покойной книжке: «Ну и дура», – и с легким сердцем берусь за новую. Сразу, или какое-то время спустя – как получится.

Карл знает, чем я занимаюсь на досуге и как поступаю с горемычными рукописями. Я изложил ему свою теорию после того, как уничтожил первый роман. Тогда я вовсе не был уверен, что поступаю правильно, а в таких ситуациях лучшее средство – спор с достойным собеседником; оппонента, как правило, убедить не удастся, зато самого себя – вполне, а мне того и требовалось. Карлу можно рассказать о чем угодно, он всегда готов с интересом слушать и спорить, но, чем бы ни закончился разговор, он никогда не мешает мне поступать по-своему.

А сейчас он говорит:

– Все-таки очень жаль, что ты ни разу не дал мне почитать. Думаешь, не понравится, заклюю? Зря. Когда это я тебя клевал?

– Не думаю. Скорее, боюсь, что тебе понравится. И ты меня отговоришь.

– погоди, – хмурится Карл. – Но разве ты не этого все время ждешь? В смысле, что тебе, наконец, кто-то или что-то помешает.

– Ннну... да, – растерянно соглашаюсь я.

Я хочу сказать, что будет нечестно, если этим самым человеком окажется Карл. Получить помощь от него слишком просто. Ему нравится все, что я делаю, он всегда на моей стороне и всегда готов помочь. Быть сыном Карла – все равно что иметь полезные знакомства в Небесной Канцелярии. Но пользоваться этим преимуществом, решая по-настоящему важные вопросы, как-то... ну, нехорошо. У нас в классе училась дочка завуча, славная, кстати, была девчонка, но звезд с неба не хватала. Естественно, на всех экзаменах ей доставался единственный билет, на вопросы которого бедняжка могла хоть что-то ответить. Все это видели, все понимали, почему так, зла на нее не держали и даже не шибко завидовали, быть дочкой Ларисы Владимировны – то еще счастье. Но выглядело это, прямо скажем, некрасиво. Я так не хочу.

Но вместо того, чтобы все это сказать, я молчу как рыба. Потому что в глубине души сам страшно жалею, что не стал показывать свои книги Карлу. Все думал – вот если бы он сам попросил. А он тактично помалкивал. Мы, конечно, друг друга стоим, чего уж там.

– Помнишь анекдот про человека, который ежедневно молил Господа ниспослать ему выигрыш в лотерее? – спрашивает Карл.

– Ага. В конце концов, отверзлись небеса и Бог сказал ему: «Поц, купи билет!» Понимаю, почему ты спросил. Но знаешь что? На месте Бога я бы дал ему этот совет в первый же день. Чего тянуть?.. И только не говори, будто Богу в голову не пришло, что мужик такой болван. Он всеведущ. Должен понимать.

– А знаешь, ты прав. Я никогда не смотрел на проблему с такой точки зрения, – неожиданно согласился Карл. – Тем более что правило «лучше поздно, чем никогда» работает только в тех случаях, когда не слишком поздно.

– То-то и оно. Рассказывай лучше про свое дело. В смысле, про мое. Интересно же.

– Ключ, – сказал Карл. – Только не падай, кажется, нашелся ключ от двери в подвале.

– Нашелся? – недоверчиво переспросил я. – Ну ничего себе. Так не бывает.

– Не бывает. Но я почти уверен, что это он.

У Карла особые отношения с ключами. В смысле, он их коллекционирует с детства. Первый свой ключ он нашел, когда еще в школу не ходил. Обычный ключ от чужой квартиры, каких много, из тусклого желтого металла. Карл, начитавшийся сказок, решил, что ключ сделан из чистого золота, и приволок его домой; Фрида, непутевая институтская подружка его матери и лучшая в мире няня, с которой он тогда жил, не стала разочаровывать ребенка, предложила хранить ключ в специальной шкатулке – дескать, именно так и следует поступать с сокровищами. Постепенно в шкатулке появились и другие ключи, Карл то и дело их находил и волок домой, все подряд, невзирая на цвет металла, благо знал из книжек, что кроме желтого золота есть еще белое серебро и загадочная платина, которая вообще не пойми какого цвета, зато ценная чрезвычайно. Шкатулка быстро заполнилась трофеями, но тут Фрида купила на барахолке ветхий кованый сундучок – ясное дело, божилась, что пиратский – и Карл принялся собирать ключи с удвоенным рвением. К моменту поступления в консерваторию он был счастливым обладателем трех с лишним тысяч ключей и почти утратил интерес к детскому увлечению, но однажды полез с приятелями исследовать пустой, предназначенный на снос дом и нашел там удивительную штучковину, отдаленно напоминающую ключ, – стержень с бороздками на обоих концах. Заинтересовался, пошел в библиотеку, перерыл кучу книг, выяснил, что ему в руки попал двойной ключ-паспарту, изготовленный, самое позднее, в начале девятнадцатого века. Информации о ключах-курьезах, которой, по ходу дела, переполнилась его голова, хватило, чтобы снова разжечь угасший интерес. Так Карл стал настоящим коллекционером – не собирателем мусора, но охотником за сокровищами, Фрида как в воду глядела.

Сокровищ он собрал немало. Я ни черта в этом не понимаю, но время от времени делаю посильные вклады в его коллекцию – по большей части, подозреваю, фуфло, но пару раз мне везло. В частности, редчайший ключ-пистолет, который Карл датировал пятидесятыми годами позапрошлого века – моя находка, результат первой и последней вылазки на Парижский блошиный рынок. Голова у меня там разболелась страшно, как всегда случается в людных местах, но ключик цапнуть я успел. Еще бы отыскать мастера, способного привести его в рабочее состояние, но, боюсь, таких уж не осталось, хотя Карл не теряет надежды.

С годами Карл, как и следовало ожидать, снова охладел к своему собранию; еще удивительно, что он столько лет продержался в состоянии азартной алчности. И тут услышал от кого-то из приятелей душеспасительную историю – дескать,

потомки изгнанных из Испании в конце пятнадцатого века евреев до сих пор хранят ключи от своих тамошних домов. Карла почему-то проняло. «Какая стойкость, какой поразительный оптимизм, – говорил он, – пятьсот с лишним лет таскать за собой ключи от дома, из которого выгнали твою семью. И ведь ни тени надежды туда вернуться, а все равно».

Он бросился проверять, оказалось – да, действительно, исторический факт. Даже сейчас остались такие семьи, чтящие традиции. А некоторым не повезло с потомками, и их ключи давно уже гуляют по частным коллекциям. И те самые дома в Толедо и Лусене стоят до сих пор, не все, ясное дело, но многие – стоят. И, конечно, Карл возжелал во что бы то ни стало раздобыть ключ от одного из этих домов. А потом поехать в Испанию и отправиться по заранее известному адресу. Эта идея захватила его целиком.

«Ладно, – говорил я, – предположим, ты найдешь ключи и дом – что дальше? Неужели ты думаешь, новые хозяева за пять с лишним веков ни разу не собрались сменить замки?» Мои скептические расспросы, как и следовало ожидать, не остудили его пыл. «Неважно, – говорил Карл, – сменили они замки, или нет. Просто привезти ключ домой – это уже ого-го какое событие. Думаю, он будет очень рад туда вернуться, даже если замки сменили. Подумаешь – замки».

«Ключ будет рад» – о да, это типичный для Карла аргумент. Рядом с ним я ощущаю себя фантастическим занудой, лишенным воображения. Но даже это почему-то совершенно не обидно. Рядом с Карлом всегда думаешь: «Какой я дурак, и, господи, как же это хорошо!» – при том что смирение мне, прямо скажем, не свойственно.

Он, по-моему, года три искал ключ от одного из этих старинных кастильских домов. И нашел-таки. И при первом же удобном случае повез его на родину. Подробностей я толком не знаю, потому что Карл особо не рассказывал, но вернулись они ужасно довольные – и Карл, и, если верить ему на слово, ключ.

С тех пор Карл помешался на расследованиях. Разыскивает дома, двери которых когда-то отпирались ключами из его коллекции. И от новых экземпляров, конечно, не отказывается – при условии, что есть хоть какой-то шанс вызнать адрес. И когда в его плотном концертном графике возникает хоть какой-то просвет, едет посмотреть очередную находку, с соответствующим ключом в кармане – это обязательный ритуал и, по-моему, самое большое удовольствие, которое с лихвой окупает все его хлопоты и траты. Он уже возил свои ключи в

Амстердам, Львов, Нанси, Брюгге, Гранаду, Петербург, Вену, Краков, Париж, Флоренцию, Антверпен и еще куда-то, всего сейчас не припомню. Говорит, хозяева домов всегда позволяют ему войти, еще ни разу не отказали. Некоторые, особо дотошные, показывают, как все раньше было устроено, и рассказывают, что успело случиться в доме за прошедшие века. Но таких, конечно, мало, люди редко всерьез интересуются историей дома, в котором живут, их любопытства как раз хватает, чтобы выслушать сведения, которые удалось собрать самому Карлу – если уж он пришел и не прочь поболтать.

Правда, открыть дверь своим ключом Карлу пока не удалось. Ничего удивительного, когда в доме появляются новые хозяева, обычно они первым делом меняют замки. Зато в Толедо ему все уши прожужжали рассказами о молодой израильтянке, которая прямо во время экскурсии сверилась с какими-то записями в блокноте, достала из кармана ключ, открыла им заднюю дверь старинного дома и грохнулась в обморок от избытка чувств. Карл говорит, ему эту историю за два дня пять раз рассказали – в отеле, в еврейском музее и в нескольких кафе, так что ясно, это просто местная байка для туристов. А все равно.

Поиски ключей и, тем более, домов – дело непростое. Но как раз этому Карл только рад, все остальное ему слишком легко дается, само в руки идет, а тут наконец нашел по-настоящему трудную задачу. В его коллекции сейчас, если не ошибаюсь, двадцать один ключ с адресом и историей. Останавливаться на достигнутом Карл, понятно, не собирается. Но три года назад под хвост ему попала совершенно особая вожжа. Имя этой вожже – Дверь-В-Подвале.

Дверка и правда та еще.

Подвал-то его собственный, войти туда можно прямо из кухни. Сперва, когда Карл с Ренатой сюда переехали, они этим помещением не пользовались, даже ремонтировать не стали, решили – к чему лишние хлопоты, места в доме и так предостаточно. Потом Рената купила велосипед, но и он прекрасно помещался в коридоре, никому не мешал. Когда велосипедом обзавелся Карл, в коридоре стало тесновато, но осваивать подвал им по-прежнему было лень. А потом приехал я и тут же припер в дом третий велосипед. «Перебор! – хором завопили Карл и Рената. – Или волокни его наверх, или разбирайся с подвалом».

Я из тех предусмотрительных лентяев, которые готовы один раз как следует поработать, если это гарантированно избавит от будущих хлопот. Несколько раз

в день таскать велосипед на второй этаж по узкой лестнице – то еще удовольствие, поэтому я отправился разбираться с подвалом, в надежде, что там нет ничего кроме пыли, для борьбы с которой обычно достаточно нескольких минут и мокрой тряпки. Я даже в лучшие времена ни разу не решился нанять домработницу, совершенно не переношу чужих людей на своей территории, так что поневоле пришлось освоить элементарные навыки уборки помещений.

Однако подвал оказался своего рода филиалом авгиевых конюшен. Он был забит строительным мусором, пестрым тряпьем, поломанными детскими игрушками и прочими историческими ценностями. Некоторое время я обреченно взирал на этот культурный слой, а потом решил – ладно, поиграю в археолога, пусть будет хоть какая-то польза от меня в этом благословенном доме.

Часа через три, когда я сложил в мешки и вынес на помойку большую часть мусора, труды мои отчасти окупились, по крайней мере, разбираться с остатками барахла оказалось довольно увлекательно. Я нашел стопку ветхих книг на разных языках, несколько древних фарфоровых кукол, чудом уцелевших под немилосердными жерновами времени, коробку из-под монпансье, где хранились пуговицы, керосиновую лампу, разрозненные остатки коллекции минералов, пачку старинных открыток с трогательными посланиями на обороте и ржавую губную гармошку, которую Карл уважительно называл «сосуд гудебный» и тут же утащил куда-то к себе. А у дальней стены обнаружилась огромная, примерно полтора на два метра, картина на перекошенном подрамнике. Один взмах тряпкой, и из-под толстого слоя пыли проступили краски, Рената, с порога наблюдавшая за моими раскопками, заверещала: «Убери руки, дай сюда, ты все испортишь», – и мы поволокли таинственное полотно на кухню. В глубине души я не сомневался, сейчас состоится очередное показательное выступление Карловой удачи, выяснится, что мы нашли неизвестную доселе картину Рембрандта, ну или чьи там шедевры положено находить в собственном подвале счастливчикам, вроде моего батюшки. Однако не тут-то было, в наши руки попала одна из самых отвратительных халтур за всю историю человечества. Картина изображала зверски ослабившихся сталеваров, вступивших в непростые профессиональные отношения с доменной печью, и была написана настолько скверно, что Рената схватилась за голову, Карл малодушно дезертировал в кабинет, а я спешно поволок творение неизвестного гения на помойку, содрогаясь от стыда при мысли, что соседи могут увидеть нас вместе – меня и сталеваров. Но милосердный господь не допустил моего позора, с тех пор я его вечный должник.

А вернувшись в подвал, я обнаружил в дальней его стене кованую дверь, явно старинной работы. Раньше ее закрывала картина, а теперь – только слои пыли и хлопья паутины, которые я тут же ликвидировал. Некоторое время молча рассматривал полустертое изображение трех суровых женщин, глядящих в разные стороны – одна держала в руках ключ, другая факел, третья – кинжал; у их ног возлежали уродливые псы и ползали змеи, над головами размещался круг, символизирующий то ли солнце, то ли полную луну, то ли просто цикличность времени. А налюбовавшись вдоволь, я пошел звать Карла.

Наблюдая за его реакцией, я начал понимать, что моя находка, пожалуй, покруче неизвестного Рембрандта. Карл эту дверь разве только не расцеловал, да и то, думаю, потому, что решил, они для этого еще недостаточно близко знакомы.

«Похоже, у нас в подвале поселилась Геката, – наконец сказал он. – Владычица порогов, перекрестков и пределов, всех тех мест, где смыкается наше и иное. Именно так ее изображали древние – единой в трех телах, с факелами, змеями и псами. И ключ, ключ – главный ее атрибут. Ты сам не понимаешь, что нашел, Фил. И я тоже не понимаю – пока».

В конце концов Карл выпер меня из подвала, сказал, уборка подождет, потом объясню, все потом. А после обеда позвал наверх пить кофе и объявил: только не падай, но я датирую эту дверь концом пятнадцатого – началом шестнадцатого века.

Падать я, конечно, не стал, но ушам своим не поверил, потому что дом построен в тысяча девятьсот втором, какой, к чертям собачьим, пятнадцатый век. Ну или шестнадцатый, без разницы.

«Я тоже не понимаю, – кивнул Карл. – Но факт остается фактом, дверь на несколько столетий старше дома. А символика изображения – и вовсе на тысячелетия. В пятнадцатом веке, прямо скажем, немного нашлось бы охотников изображать у себя на дверях языческих богинь. Надо думать, кто-то из бывших хозяев нашего дома собирал редкости или просто случайно заполучил эту дверь, приволок в подвал и зачем-то вставил в стену. Да-да, там, за дверью, капитальная стена, никаких пустот, я простучал. Дверь – просто декорация, никуда не ведет».

«А смысл? – изумился я. – Какой в этом смысл? Никакого, – согласился Карл. – И это нравится мне больше всего, особенно в сочетании с изображением Гекаты. Пошли, покажу кое-что».

Мы спустились в подвал, и Карл буквально ткнул меня носом в стену – смотри внимательно. Дверь, конечно, декорация, но заперта на совесть.

И действительно, старинный врезной замок был в полном порядке, даже без следов ржавчины, что, с учетом подвальной сырости, само по себе чудо. И он был заперт – в каменной толще стены кто-то заботливо выдолбил дополнительную дыру, в которую вошел поршень.

«Что скажешь?» – спросил Карл, и я ответил, что бывший жилец, установивший дверь, был безумен, зато последователен, дотошен и чертовски остроумен в своем безумии – словом, наш человек. «Это конечно, – рассеянно согласился Карл. – Но я о другом думаю. Ключ. Вполне возможно, где-то до сих пор есть ключ от этой двери. И хорошо бы его отыскать». «Дохлый номер», – сказал я, но он, разумеется, только отмахнулся. И правильно сделал.

Карл, понятно, не удовлетворился собственной экспертизой. В его подвале за год побывало полдюжины специалистов, которых он как-то ухитрился отыскать, обаять и зазвать в гости. Их общий вердикт гласил: время – середина, или вторая половина пятнадцатого века. Место же определить не удалось. Скорее всего, Европа, уточнять никто не брался – похоже, у нашей дверки просто не было аналогов.

«Толедо, – твердил Карл, – вот увидишь, Фил, это дверь из Толедо. Кто-то из изгнанников прихватил с собой не только ключ, но и дверь от дома. Ни в одном источнике об этом нет ни слова, но книги пишут люди, а они знают не все. Вернее, вообще ни черта не знают. Представь, если бы тебе пришлось писать, скажем, мемуары о соседях по лестничной площадке, причем уже после того, как они уехали в неизвестном направлении, и у тебя не осталось возможности выпросить подробности. Как бы ты ни старался, в твоём отчете будет, в лучшем случае, сотая доля правды о них. Да и то сомневаюсь. Впрочем, если эти люди напишут о себе сами, правды в их рассказе будет не намного больше, даже если они не станут намеренно искажать факты в свою пользу. Человеческая память – несовершенный инструмент, к тому же люди склонны делить события своей жизни на «важные» и «несущественные»; несущественные, как правило, опускают, а они и есть правда, ее живая плоть, упустишь одну-единственную

мелочь, и подлинности как не бывало. Поэтому история – не более наука, чем художественная литература, я всегда это говорил».

Словом, с тех пор Карл ищет ключ от нашей Двери-В-Подвале. По моим расчетам, этого развлечения должно было бы хватить до конца самой долгой жизни, какую только можно вообразить. И вдруг такая новость – нашел. Ну ничего себе.

– Рассказывай, – говорю. – Как ты его нашел? Где? Почему думаешь, будто?..

– Рассказываю. Как всегда, то есть почти случайно. Будешь смеяться, в Интернете на форуме кагофилов.

– Кого-кого филов? – привычно пошутил я.

Дурная все-таки у меня манера – автоматически выдавать старые шутки всякий раз, когда прозвучит кодовое слово. Как попугай, прости господи.

Но Карл великодушно улыбнулся и ответил, согласно традиции:

– Кого надо, того и филов. Ты еще хотел спросить, почему я думаю, будто это тот самый ключ. Элементарно, Ватсон. Я читал его описание – это раз. Видел фотографии – это два. Вроде все сходится. Но, конечно, надо проверить.

– Ну и дела, – вздыхаю. А что тут еще скажешь.

– Самому не верится, – кивает Карл.

– А я тебе зачем? Просто поприсутствовать при торжественном моменте? Или владельца ключа сперва надо убить?

– Для начала тебе придется с ним встретиться, а там по обстоятельствам, – Карл очень старается скорчить злодейскую гримасу, а я милосердно не комментирую результат. – Хочу тебя успокоить, через Атлантику лететь не придется. Счастливый обладатель моего ключика живет в Праге. Считаю, сосед.

– Хочешь, чтобы я туда смотался?

– Ага. Я бы сам съездил, но время дорого. Пан Черногук собирается по делам, куда-то к черту на кулички, чуть ли не в Южную Америку, и неизвестно, когда вернется. К тому же он не производит впечатление человека, готового блюсти чужие интересы – мои в том числе. Отдаст ключик любому желающему, если сторгуются. А желающие найдутся, ключ сам по себе ценная штука, пятнадцатый век, все ключи той эпохи наперечет, их давным-давно по коллекциям растащили, и тут вдруг никому не известный экземпляр возник неведь откуда. А я завтра улетаю в Швейцарию, позвали поиграть в храме Святого Валерия в Сионе. У них там самое настоящее «ласточкино гнездо» из аббатства Абонданс, которое... Эй, Фил, пожалуйста, сделай вид, что ты в восхищении. Я понимаю, ты забыл, что такое «ласточкино гнездо» и почему это круто. Но просто поверь мне на слово и скажи «wow!».

– А? – встрепенулся я. – Вау. И ничего я не забыл, господь с тобой. Зачем делать вид, если я действительно в восхищении?

– А по тебе не скажешь, – ухмыльнулся Карл. – Не лицо, каменная маска.

– Просто за зиму отвык следить, чтобы чувства отражались на роже – все равно никто не видит.

– То есть, ты настолько один зимовал? Я все же надеялся, без подружки не обошлось.

– На этот раз обошлось. Положительный итог налицо: я никого не убил.

– Крутой, – уважительно сказал Карл. – Ну что, поедешь пана Черногука пугать?

– Конечно, слетаю, не вопрос. Фамилия его мне очень уж нравится. В Праге я последний раз был черт знает когда. Еще до наводнения.

– О, тогда тебе тем более туда надо! – оживился Карл. – На мой взгляд, купание пошло ей на пользу, интересно, что ты скажешь... Только ты не слетаешь. Сегодня самолет уже улетел, на завтра все забито, а потом будет поздно, потому что встреча назначена на понедельник. Так что остается два варианта:

автобус сегодня в четыре или возьми машину. Как тебе больше нравится?

– А черт его знает, – зевнул я. – С одной стороны, я бы, пожалуй, покатался. С другой стороны, не выспался. С третьей стороны, на машине я могу и завтра отправиться, успею. С четвертой, через Польшу лучше ехать ночью и с закрытыми глазами, у меня от тамошних пейзажей депрессия начинается, хуже, чем от нечерноземной полосы. С пятой...

– Брось монетку, – посоветовал Карл.

– Чтобы понять, чего мне хочется на самом деле? Это и так ясно, нуль-тэ мне хочется. Чтобы – бэмц! – и Фигаро тут, Фигаро там... Ладно, я уже решил. Сяду в автобус и погляжу. Если пустой и не вонючий, пусть везут. Спать сидя – мой любимый спорт. По такому случаю с тебя еще чашка кофе и подробности.

– Кофе полно, бери. А подробности такие. Ключ из желтого металла, длина одиннадцать сантиметров, фотографии я для тебя распечатал, чтобы хоть примерно представлял, что тебе должны дать. Владельца ключа зовут Болеслав Черногук. Чем он занимается, понятия не имею, но у него дом на Нерудовой. Вот адрес, вот телефон.

Я присвистнул.

– Серьезный дядя.

– Думаю, что так. Ну, поглядишь. Встречу он назначил на понедельник, то есть послезавтра, ровно в полдень. Предварительно звонить не нужно, телефон на тот случай, если ты по какой-то причине задержишься или не сможешь прийти. Но ты...

– Но я не задержусь. И смогу. И чемодан с баблом в автобусе не забуду.

– Никакого чемодана. Мы договорились поменяться.

– На другой ключ?

– Нет. Насколько я понял, пан Черногук не коллекционирует ключи, этот экземпляр попал ему в руки случайно. Зато он интересуется книгами. В частности, букварями.

– Букварями?

– Старыми, разумеется. Я предложил ему «Букварь для обучения юношества чтению по высочайшему повелению». Тысяча семьсот девяносто третий год, типография Отцов Кармелитов в Бердичеве.

– В Бердичеве? – недоверчиво переспросил я. – Издеваешься?

– Никак нет. Была в городе Бердичеве такая типография. А букварь – вот он.

– Надо же. – Некоторое время я с уважительным отвращением разглядывал ветхую книжицу, потом спросил: – А это не слишком – такой раритет отдавать? Все-таки не ключ от Каабы выкупаем.

– Ну и букварь мне достался, прямо скажем, не за восемнадцать миллионов. А практически даром.

– Только не говори, что купил его в газетном киоске со скидкой для постоянных клиентов.

– Будешь смеяться, почти так и есть. У нас тут по субботам в хорошую погоду барахолка на холме работает, что-то вроде блошиного рынка. Местные клошары распродают фамильные керосинки и собранные в школьные годы коллекции значков, а среди них уныло снуют любители старины, давно утратившие надежду отыскать что-то интересное. И там какой-то бодрый дедок разбойничьего вида бойко торговал старинными книжками, за копейки отдавал, так что я все забрал, оптом. Хоть и не понимал, на кой они мне сдались, я же не букинист, и времени со всем этим разбираться нет. Грех стяжательства в чистом виде. Но вот одна книжица, как видишь, пригодилась. Выходит, я молодец.

– Ты молодец, и это уже давно не новость. А я, значит, повезу бердичевский букварь из Вильны в Прагу, чтобы обменять его там на ключ от двери, вывезенной предположительно из Толедо. Удивительная все-таки штука

человеческая жизнь.

– И не говори, – согласился Карл. – Я тебе даже немного завидую. Но меня ждет Святой Валерий.

– И «ласточкино гнездо», – подхватил я. – Ничем не хуже букваря из Бердичева.

– Отель я тебе уже забронировал, все на той же Нерудовой, в двух шагах от дома пана Черногука.

– Ого, – сказал я. – Твое поручение следует занести в Книгу рекордов Гиннесса как самое приятное и необременительное за всю историю человечества.

– Не уверен, – неожиданно возразил Карл.

– Ну-ка, ну-ка, – оживился я. – Что не так?

– Сложно сказать. Может быть, и ничего. Но, во-первых, что касается ключа. Живьем я его не видел, а сфотографировать можно и копию. А ты у нас, скажем прямо, не эксперт.

– Чего уж там, надуть меня проще простого.

– С другой стороны, зачем бы ему тебя надувать? – пожал плечами Карл.

Но особой уверенности в его голосе не было. Я так понял, неведомый пан Черногук ему не слишком нравился. Это надо иметь в виду, у Карла интуиция – дай бог каждому.

– Ну как – зачем? Чтобы и букварь хапнуть, и ключ себе оставить.

– Все-таки речь идет о репутации...

– О репутации на этом вашем форуме кагофилов? И все восемь с половиной постоянных посетителей узнают, что пан Черногук – жулик? Да, это, конечно, ужасно. Особенно для человека, который не является коллекционером,

следовательно, распрекрасно проживет вне этой среды.

– Ну, предположим, не восемь с половиной. С чего ты взял? И все живые люди, готовые поделиться информацией с ближними, а мир-то тесен... Но проверить все-таки надо. Пан Черногук сам может оказаться жертвой заблуждения, он же не специалист. Но это не беда, потому что один из самых выдающихся экспертов в этой области живет всего в сотне километров от Праги. И я с ним знаком. Такой занятный дедушка, пан Иржи Шнипс, ростом мне примерно по пояс. Раньше работал в Пражском Национальном техническом музее; там, к слову, находится крупнейшая в мире коллекция замков и ключей. Серьезное собрание, а уж пан Иржи какой серьезный – слов нет. Я, помню, даже оробел при встрече. К счастью, Иржи оказался меломаном, так что полюбил меня как родного. И до сих пор иногда консультирует. Я ему уже звонил – нет проблем. Съездишь к нему в Йиглаву, он туда перебрался, когда вышел на пенсию, покажешь ключ и тут же узнаешь правду. А там – по обстоятельствам.

– В смысле, если ключ – дерьмовая копия, надо будет забрать у Черногука букварь? – деловито спросил я.

– Лучше все-таки вытрясти из него оригинал, если таковой имеется. Ну, я же говорю – по обстоятельствам. Как пойдет. Ты, кстати, заранее скажи ему, что повезешь ключ на экспертизу. В некоторых случаях такие предупреждения бывают полезны для всех участников сделки. Избавляют от искушения.

– Ладно, – кивнул я. – Еще что-то?

– Есть один занятный момент, – задумчиво сказал Карл. – Этот пан Черногук любезно предложил мне прислать слепки с ключа. Чтобы я проверил, подходит ли он к замку. Очень мило и предусмотрительно с его стороны. Но я отказался, поскольку заинтересован в приобретении любого ключа той эпохи. Я так и объяснил – дескать, не стоит терять время и деньги на пересылку слепков. А он почему-то предложил снова. Очень долго меня убеждал. Заверил, что сам оплатит почтовые расходы. Многословно, но довольно неубедительно писал, что хочет уберечь меня от возможного разочарования. Словом, был чрезвычайно настойчив, я с трудом его отговорил. И знаешь что, Фил? У меня такое ощущение, что он просто хотел узнать мой адрес. Но постеснялся прямо спросить. И мне теперь интересно, станет ли он визнавать адрес у тебя. Если станет, придумай что-нибудь.

– А что тут придумывать? Буду честен, дам ему адрес Пашкиной дачи. Любимое занятие тамошних охранников – заворачивать незваных гостей. А они, как назло, так редко приходят.

– Не годится. Он знает, что я живу в Вильнюсе.

– Тогда дам адрес Ужупского инкубатора[3 - Так называется художественная галерея, расположенная в Вильнюсе, в районе под названием Ужупис («Заречье»).], – ухмыльнулся я. – Если отправится тебя разыскивать, будет ему культурный досуг.

– Гуманное решение, – согласился Карл. – В общем, будь начеку.

– Хорошо, что он тебе не нравится, этот пан Черногук, – сказал я. – Так интереснее. А то – съезди, отвези, привези, а по дороге купи себе мороженое, тоже мне, великое поручение.

– Тем не менее, я бы предпочел, чтобы ты просто съездил, отвез и привез. Мороженое и прочие радости жизни по вкусу. Только ты сам скажи Нате, что сегодня уезжаешь. Я не успел ее предупредить. Она мне этого не простит.

– О! – я воздел к потолку указательный палец. – Вот это реальная опасность. Она оставит тебя без сладкого, а меня запрет в подвале. Одна надежда на твою дверь – вдруг за ней все-таки обнаружится какой-нибудь выход?

– В любом случае, сперва надо раздобыть ключ, – усмехнулся Карл.

Пражский автобус отправляется в четыре пополудни. Я решил выйти в три и пройти до вокзала пешком, благо солнце снова выглянуло из-за туч, а рюкзак за плечами – необременительная ноша, в отличие от саквояжа, который порядком отравил мне утреннюю прогулку. Хотя бы поэтому имело смысл ее повторить – в обратном направлении.

За пять минут до выхода, когда Рената наполняла мой дорожный термос горячим чаем, а я сосредоточенно разглядывал циферблат настенных часов, сверху спустился Карл.

– Провожу тебя, если не возражаешь, – сказал он.

– Еще бы я возражал. Нашел дурака.

– Проследишь, чтобы несчастный ребенок не сбежал домой в последний момент, – проворчала Рената, засовывая термос в мой рюкзак.

– И это тоже, – согласился Карл. – Несчастный ребенок, которого моя злая воля гонит в один из лучших отелей прекраснейшего европейского города. Бедняжка.

Рената невольно улыбнулась, но тут же укоризненно покачала головой.

– Поспал бы дома хоть одну ночь, мне было бы спокойнее.

– Зато когда вернусь, останусь на все лето, – сказал я. – Буду катать тебя на море, хочешь? Хоть каждый день.

– Триста километров в один конец, – кивнула Рената. – Прекрасно проведем время.

– Ну вот и договорились, – просиял Карл. – А теперь отдай ему рюкзак. Пошли, Фил.

– Действительно на все лето останешься? – недоверчиво спросил он после того, как мы свернули за угол.

– Наверное. Знаешь, я сегодня полдня думал, почему стал так редко к вам приезжать. И почему не задерживаюсь надолго. Полдня – это потому что не соображаю с недосыпа, на самом-то деле все просто.

– Ну-ка, ну-ка, – оживился Карл. – К разгадке этой тайны мне хотелось бы приблизиться. Одно время у меня была версия, что тебе с нами просто скучно. Но, честно говоря, сомневаюсь. По тебе, во всяком случае, не скажешь.

– Соскучишься с вами, как же. Проблема как раз в том, что мне с вами слишком весело. Нет, не так, при чем тут «скучно-весело»? Скажем прямо – рядом с вами я счастлив. И это как-то... неправильно.

– Почему?

– Это слишком просто – быть счастливым в вашем доме. И слишком хорошо. И заканчивается, как только я уезжаю. И снова начинается, в каком бы скверном состоянии я к вам ни вернулся. Щелк, щелк.

– И что в этом неправильного? – Искренне удивился Карл. – Счастье – это всегда правильно, не зря момент, когда оно перестало быть естественным состоянием человека, описан таинственным свидетелем происшествия как изгнание из рая. А способ достижения счастья – дело десятое. Хорошо, если хоть как-то получается.

– Не такое уж оно десятое. По крайней мере, для меня. Я и так все время чувствую себя новым принцем Сиддхартхой, который в один прекрасный день вышел из дворца и обнаружил за оградой не только прокаженного, старика и похоронную процессию, но и кое-что похуже.

– Что ты имеешь в виду?

– Людей. Очень много так называемых обычных людей, которым кажется, что все вышеперечисленное – нормально и даже правильно. Что так и должно быть, потому что положено, и никто не отвертится, шаг в сторону – расстрел. Я-то, дурак, в детстве думал, все люди примерно такие, как вы с Ренатой. Ну, по большому счету.

– А они не такие? – наивно удивился Карл.

– Мой опыт показывает, что нет. К сожалению. Я тоже поначалу думал, таких, как вы, большинство, иначе быть не может, просто мне фатально не везет – сперва со школьными учителями и одноклассниками, потом с профессорами, сокурсниками, девушками, соседями, начальством и коллегами по работе... Долго верил, что с человечеством в целом все в порядке, просто я вечно нарываюсь на самые неудачные экземпляры, и если расстаться с очередной подружкой, сменить институт, уволиться с работы, ну или не знаю, уехать в

Тарту, ангелы, наконец, снова обступят меня плотным кольцом, я вспомню, каково быть одним из них, и жизнь наладится. А ни фиги. То, что мне казалось трагическим отклонением от нормы, как показывает практика, и есть норма. Они все такие, простые и унылые, зато сильные и стойкие. И за священное право испоганить жизнь себе и ближним, как следует настрадаться, пожалеть себя всласть, состариться и сдохнуть будут сражаться до последнего, их с толку не собьешь. И, что самое страшное, я не могу это изменить. При том, что вроде бы знаю, как надо, – не теоретически, а на собственном опыте. Какое там изменить, просто не превратиться в одного из них – и то оказалось непосильной задачей. Сам не заметил, как это случилось.

– Хочешь сказать, принцу не следует возвращаться во дворец в таком состоянии?

– Вот-вот. Не комильфо. И вполне бессмысленно – прежним-то я уже не стану. А для нынешнего меня быть счастливым – значит врать самому себе.

– По-моему, ты совсем запутался в этой своей печальной чепухе, – сочувственно сказал Карл.

– По-моему, тоже. Поэтому пообещал Ренате остаться на все лето. Вранье так вранье, подумаешь. Я уже устал от собственной честности. Тем более принц из меня совсем пропащий. В том смысле, что просветление мне явно не грозит. Вся инкарнация насмарку.

– Вообще-то, когда люди, выросшие в европейской традиции, начинают рассуждать о восточной философии, мы выглядим, мягко говоря, довольно забавно. Но – ладно, будем оставаться в рамках твоей терминологии. Так вот, пока для тебя самое страшное, что ты ничего не можешь изменить, ты не пропащий, а очень даже качественный принц. Причем сказочный. Нормальный человеческий принц в подобных случаях говорит: «Меня это не касается», – и интересуется у сопровождающего визиря, который час, чтобы не опоздать к дворцовому обеду. Жаль, что мне не удалось воспитать тебя избалованным, недалёковидным болваном – ты был бы гораздо счастливее. Но уж что выросло, то выросло.

– Чего я не понимаю, это как ты сам умудрился остаться таким, каков есть, – вздохнул я. – Ты ведь тоже рос в заколдованном дворце, Фрида и бабушка Анна,

как я понимаю, создали все условия. Вырос, вышел на улицу и остался прежним, или даже лучше прежнего, не знаю, мы с тобой не настолько долго знакомы.

– Судя по всему, я, в отличие от тебя, так и не вышел из дворца, – мягко сказал Карл. – Ну, может, из окна иногда выглядывал, но это не то. Я же вундеркинд был, этакий «маленький моцарт», и жизнь у меня была соответствующая, кроме музыки ничего толком не слышал, и до сих пор не слышу, и, надо думать, не услышу уже никогда. Ты вот говоришь: вышел из дворца, а там страшное – люди! А я до сих пор не знаю, что это такое – «люди». Несколько сотен человек знаю лично, и все очень разные, так что даже близкое знакомство с отдельными экземплярами не дает мне представления о том, что такое «люди» как множество.

– А когда ты просто выходишь на людную улицу, да вот хоть сюда, – я развел руки в стороны, привлекая внимание к проспекту Гедиминаса, на которой мы как раз свернули. – Или, ладно, здесь еще более-менее, а вот, скажем, на Садовое кольцо, мы же столько лет жили в Москве...

– Ну, выхожу, – флегматично согласился Карл. – И что?

– Тебя не накрывает? – я поморщился, порой отсутствие точной формулировки причиняет почти физическую боль. – Не понимаешь? Когда их так много – очень похожих, себя не помнящих, безрадостных, почти слепых, почти безъязыких, но твердо уверенных в собственной правоте – их сложенный хор, их картина мира накрывает с головой и вдруг оказывается твоей единственной реальностью, разве нет? Такая тоска, такая тяжесть, и все многообразие возможностей вдруг становится пустым обещанием...

– Пожалуй, я действительно не понимаю. Ничего меня не «накрывает». Возможно, потому, что я никогда не выхожу на людную улицу целиком. Большая часть меня в это время остается, как ты выражаешься, «во дворце» и занимается делом. И не только в это время. Вообще всегда. Целиком я, кажется, только играю.

Ну да, да. А что я, собственно, хотел услышать? И сам всегда догадывался, что единственный путь к спасению – быть при деле. Легко сказать, но непросто осуществить. Не всем так везет, как Карлу, который при деле практически с рождения, всюду таскает за собой свой невидимый, зато и неприступный

волшебный дворец, как улитка – раковину. А тем, кто живет рядом с ним, время от времени удастся посидеть на пороге, и это не просто «лучше, чем ничего», как говорят в таких случаях, а по-настоящему круто. Неудивительно, что у Ренаты, как только она к нам попала, прошло желание удавиться в чулане, неудивительно, что я сам всякий раз оживаю, переступив порог их теперь уже общего дома, каким бы несчастным бесчувственным чурбаном с загубленной жизнью ни чувствовал себя по пути.

– Мы быстро идем, – заметил Карл, когда мы свернули на улицу Вильняус. – До автобуса еще целых пятьдесят минут, а остаток пути займет максимум пятнадцать, даже если сбавить темп. Суми-думи?

Киваю, невольно расплываясь в улыбке. Эспрессо с медом, *espresso su medum* – три года назад, когда ресторан «Помодоро» только открылся и мы с Карлом пришли сюда впервые, я случайно оговорился, читая меню. Новое название так понравилось нам обоим, что теперь мы регулярно наведываемся сюда за очередной порцией «суми-думи» и пьем подслащенный медом кофе, несмотря на приторный вкус – здешний барриста излишне щедр, лучше бы приворовывал, ей-богу.

– Они его еще подают? Хорошо, что некоторые вещи не меняются.

– Ага. А некоторые меняются. Например, цена – теперь на полтора лита дороже. Но это мы с тобой переживем.

– Да хоть на три, – храбро согласился я. – Они же, зайчики такие, столы на улицу вынесли. Думал, еще никто не почесался открыть сезон. А они – уже!

– Специально к твоему приезду. Вчера еще не было, я мимо проходил... Так на чем мы остановились?

– На том, что ты всегда таскаешь за собой свой невидимый дворец, как улитка... Нет, прости. Об этом я только думал. Вслух не говорил.

– Уже сказал, – улыбается Карл. – Твоя правда. Именно это я и пытался тебе объяснить. Единственное, чего я опасаюсь, – ты наверняка думаешь, причина в музыке.

– Ну да, – кивнул я, шаря по карманам в поисках портсигара. – Сам говоришь, ничего кроме нее толком не видишь, то есть не слышишь, что в твоём случае одно и то же. Это все решает.

– Просто так удачно совпало, что именно музыка оказалась делом моей жизни. Это прекрасное и, самое главное, простое дело. «Простое» – в смысле очень конкретное. Сколько себя помню, мне всегда было понятно, чем я хочу заниматься. Ещё ни одного музыкального инструмента в глаза не видел, а уже мечтал поскорее научиться «делать музыку». Знал ответ на самый главный вопрос: «зачем я?» – задолго до того, как смог его сформулировать. И, что немаловажно, все вокруг были в курсе, что в связи с этим следует предпринимать. Обучение музыке – давно сложившаяся традиция, известно, как следует поступать на каждом этапе, причем главное условие: «работай» – полностью соответствовало моим насущным потребностям, никаких внутренних противоречий. Так что в этом смысле моя жизнь была очень простой, как у зверя лесного. Никаких вопросов, сплошные ответы, внятные и однозначные. Мало кому так везет. Видишь ли, дело жизни не так уж часто может стать профессией. Иногда для него и названия-то нет, и примера никто не подаст, и сам не додумаешься, пока не попробуешь, не поймешь, а все на свете перепробовать – жизни не хватит. Та еще лотерея.

– Вот-вот, – мрачно поддакнул я. – Только, думаю, у большинства людей никакого «дела жизни» нет вовсе. У меня, кстати, тоже. За тридцать лет и три года ни одного выдающегося таланта обнаружить так и не удалось...

– погоди, а при чем тут «выдающийся талант»? – удивился Карл.

– А как? – я удивился еще больше.

– Это мой дурной пример тебя с толку сбивает, – вздохнул он. – Говорю же, мне просто повезло, все так удачно совпало – и внутренняя потребность, и природные данные, и хорошие учителя. У меня, сам знаешь, множество талантливых коллег с выдающимися способностями и такой школой, что хоть плачь от зависти. Тем не менее, у большинства из них нет никакого, как ты выражаешься, «волшебного дворца». Окажись они здесь, тебе было бы с кем обсудить все скорби мира. А один из самых прочных «дворцов», какие я когда-либо встречал, был у баяниста дяди Жоры из клуба железнодорожников в городе Нижнем Тагиле.

– О господи. Туда-то тебя как занесло?

– В юности я, знаешь, не выбирал, куда ездить на заработки. В Нижнем Тагиле я, между прочим, читал прекрасные лекции о Фрескобальди, и люди на них ломились, там крошечный зал, так они на подоконниках сидели и в проходах стояли, до сих пор горжусь... Ладно, неважно. Важно, что даже на фоне остальных работников тамошнего клуба дядя Жора выглядел довольно посредственным исполнителем. Но это не мешало ему жить в радости и мире с собой. И почти ничего не знать о жизни, которую принято называть «реальной». Он ее просто не замечал, потому что, как и я, был целиком захвачен музыкой, которая переполняла его до краев, а что получалось на выходе – дело десятое. Не всем же срывать аплодисменты.

Я недоверчиво покачал головой. Ясно, что аплодисменты тут ни при чем, кто бы спорил. Можно быть непризнанным гением, пожалуйста, сколько угодно. Но бездарный баянист из клуба в качестве примера – это, на мой взгляд, как-то слишком.

– Дядю Жору, – сказал я наконец, – мог бы приберечь до худших времен. Я пока не настолько нуждаюсь в утешении.

– А я тебя не утешаю, с чего ты взял? Просто рассказываю, как обстоят дела. В конце концов, Марианн Норт тоже не была гениальной художницей.

– Кто-кто?

– А я тебе не рассказывал? Это женщина, которая нарисовала пуйю.

– Прости, что она нарисовала?

– Пуйю. Пуйя – это такая трехметровая голубая трава. Собственно, бывает и выше. Растет в Андах. Окружена легендами – дескать, от нее исходит ослепительное сияние, и листья у нее как стальные мечи, и цветет она раз в полторы сотни лет, а время от времени самовоспламеняется и сгорает, чтобы потом возродиться из пепла...

– Правда, что ли?

– Понятия не имею. Я же говорю – легенды, за что купил, за то продаю. Так вот, в девятнадцатом веке европейские ботаники очень хотели заполучить хоть какое-то изображение этой загадочной гигантской травы. Но добраться до нее не могли – все-таки Анды, край света, еще и в горы карабкаться надо. Так и остались бы без пуйи, если бы не храбрая английская старушка Марианн Норт. Она, видишь ли, всю жизнь рисовала растения. А что, приличное занятие, достойное хобби для старой девы из хорошей семьи. Ну, то есть считалось, что это хобби, я-то понимаю, что рисование оказалось делом, которое поглотило Марианн целиком. Звезд с неба она, прямо скажем, не хватала, но ученые-ботаники ценили ее труды, поскольку мисс Норт была чрезвычайно внимательна к деталям. От них она и узнала про пуйю, которую никто из европейцев в глаза не видел. Решила, что это безобразие, и отправилась ее рисовать.

– В Анды?

– Вот именно. Причем ты имей в виду, это середина девятнадцатого века. Путешествие на другой континент – дело непростое, особенно для хрупкой, болезненной, вдобавок ко всему, почти глухой дамы пятидесяти с лишним лет от роду. Но Марианн бровью не повела. Собралась и поехала в Южную Америку. Сперва на корабле через Атлантику. Потом нашла проводника и поднялась в Анды, на высоту четыре тысячи метров. Ехали на мулах, а на некоторых участках пути приходилось идти пешком по бездорожью и волочь на себе груз. Ничего, добралась и мольберт дотащила. Нарисовала картину «Голубая пуйя и мотыльки». И благополучно привезла ее домой, на радость британским ботаникам, здоровенным мужикам в самом расцвете сил, которые полагали путешествие в Анды совершенно неосуществимым.

– Круто, – вздохнул я. – А картинку-то ты видел?

– Нашел в Интернете репродукцию. Поскольку я не ботаник, никакого впечатления она на меня не произвела. Картинка как картинка. И сама по себе пуйя – ничего особенного. Гигантская голубая трава, да, но видел я в своей жизни и более удивительные вещи. Надеюсь, добавлять, что это не имеет решительно никакого значения, не обязательно?

– Обязательно, – мрачно сказал я. – А то история о беспримерном подвиге как-то незаметно превратилась в историю о тщетности. Столько усилий, и все зря. Ну вот, разве что британские ботаники стали немного умней, чем были прежде. Но на новую эпоху в развитии науки это происшествие все равно не тянет.

– Ты ничего не понял, – улыбнулся Карл. – Говоришь о тщетности, потому что считаешь результатом картину, которая, безусловно, не стала главным художественным или научным событием столетия. Но картина – вовсе не результат, а просто повод начать действовать. Простая, конкретная цель, за которую легко зацепиться, чтобы встать и пойти.

– Хорошо. Что, в таком случае, результат?

– Опыт, конечно. Марианн, вернувшаяся домой из Южной Америки, отличалась от леди, которая когда-то отправилась в путь. Новая Марианн знала, каково быть человеком, которому нипочем корабельная качка, тряска на муле, тяжелый груз, крутые подъемы и разреженный воздух. Можно сказать, она сама и есть результат. Возвращаясь к твоей давешней метафоре, Марианн собственными руками выстроила для себя волшебный дворец, стены которого защищали ее от любых невзгод. Готов спорить, эта леди даже не осознала трудностей путешествия. Не читал ее дорожных дневников, не знаю даже, вела ли она их, но уверен, жалоб там не сыщешь. На что жаловаться счастливому человеку? А Марианн, не сомневаюсь, была счастлива в пути и настолько захвачена происходящим, что физические нагрузки, перепады температуры, давления и другие не менее объективные факторы попросту перестали на нее влиять. Думаю, она даже насморк ни разу не подхватила. Что это, если не магия? Подлинная, без обмана.

– Какая хорошая история, – негромко сказал кто-то из-за моего плеча.

Я обернулся, но увидел только спину прохожего, неторопливо удаляющегося в сторону проспекта Гедиминаса. Полы его длинного черного пальто трепетали на ветру, как пиратские флаги.

– Он мимо шел и остановился послушать, – улыбнулся Карл. – Как рассказчик я был крайне польщен, сам понимаешь. Но вообще-то, я для тебя старался, а тебе история мисс Норт не слишком понравилась.

– Понравилась, – вздохнул я. – Но...

Я хотел сказать, что в конечном итоге старушка Марианн все равно вернулась домой и в свой срок умерла от старости и болезней, так что – какая разница. Но

вовремя прикусил язык. Карл, в общем, и без меня в курсе, что все люди умирают. Даже принцы и принцессы в своих волшебных дворцах, окруженных зарослями голубой гигантской травы. И я не могу это изменить, как, впрочем, и все остальные условия задачи, данной нам в ощущениях. Поэтому я просто посмотрел на часы. Увиденное мне не понравилось.

– Всего двадцать минут осталось. Надо платить и идти.

– Иди, – кивнул Карл. – Я останусь, заплачу, это долгая возня.

Я кивнул, подхватил рюкзак и неторопливо пошел по вызолоченной солнцем улице. Пройдя метров сорок, обернулся, помахал и немного ускорил шаг, а достигнув бульвара Вокечу, перешел на бег. В отличие от Карла, который в любой ситуации уверен, что у него куча времени, я всегда ужасно боюсь опоздать.

Кстати, не зря бежал – в автобус я сел последним, даже покурить напоследок не успел, одна надежда на стоянку в Каунасе, уж сотню километров потерплю как-нибудь.

Автобус был почти пуст – десятка полтора пассажиров, не о чем говорить. Телевизионные экраны в салоне, к моему несказанному облегчению, оставались темными, зато кондиционеры работали более-менее исправно, во всяком случае, чужие ароматы мне пока почти не мешали. А в моем случае «почти не мешали» – это недостижимый идеал, потому что обычно мне мешает абсолютно все, а уж запахи – страшное дело, меня даже безобидная ветчина, съеденная на завтрак случайным попутчиком, может всерьез выбить из колеи. Но с этим автобусом мне повезло. А покурив во время стоянки в Каунасе, я окончательно расслабился, взял у симпатичной конопатой бортпроводницы плед, закутался в него по самые уши, уткнулся носом в окно и сам не заметил, как задремал.

Когда я проснулся, автобус стоял. За окном было темно, вдалеке виднелись будки и шлагбаумы, освещенные тусклым синевато-белым сиянием фонарей. Граница, понял я. Паспортный контроль, слава богу, отменили еще зимой, присоединив, наконец, к Шенгену новые территории, однако верные традициям водители все равно здесь останавливаются. Но какого черта так темно? Мы же вроде засветло должны польскую границу проезжать, неужели так опаздываем?

Или наоборот, идем с опережением графика, и это уже чешская граница? Нет, быть такого не может, если бы я всю ночь в одной позе проспал, сейчас бы голову повернуть не мог. Но шея в порядке, значит, дрых всего пару часов, следовательно, и граница – польская, и стемнело совсем недавно, а что отстаем от расписания, не моя печаль, я до понедельника абсолютно свободен. Так что долой заботы, перекур.

Не то чтобы мне так уж хотелось курить – спросонок-то. Но когда едешь автобусом, приходится использовать любую возможность, здесь, если припечет, в тамбур не выскочишь, а когда будет следующая остановка, решать водителю, чья воля непостижима, а действия почти непредсказуемы. Единственное преимущество перед самолетом – здесь всегда есть надежда, а там заранее ясно, что ничего не светит, поэтому даже какие-то несчастные три часа без сигареты превращаются в пытку.

Никто из пассажиров выходить из автобуса не стал. Это было довольно странно, потому что обычно даже некурящие на всех остановках выскакивают на улицу – ноги размять, свежего воздуха глотнуть. А тут никто не двинулся с места. Спят, что ли, все? Во дают люди, я-то думал, только меня после бессонной ночи в такую рань сморило.

Я достал из рюкзака термос, сделал несколько глотков еще горячего Ренатиного чая, нащупал в кармане портсигар и направился к выходу.

По земле стелился туман, совсем тонким слоем, как поземка, в окно я его не углядел, и теперь от неожиданности отшатнулся, на миг утратил представление о реальности, испугался, что увязну сейчас в этой ненадежной каше, но инерция оказалась сильнее, так что я все-таки сделал шаг вперед и с облегчением перевел дух. Под ногами был твердый, надежный асфальт, усеянный окурками и тугими комками смятой оберточной фольги, ветер гонял драную рекламную листовку сети магазинов «Тяжелый свет Куртейна», все в порядке, подумаешь – туман. Чего только спросонок не померещится.

Я закурил, огляделся по сторонам. Любой пункт пограничного контроля – то еще поле чудес. Дурной, вымороченный лабиринт, искусственно созданное на пустом месте препятствие. Я терпеть не могу государственные границы, а их охранники ужасно меня раздражают – понятно, что они не сами все это затеяли, просто работа такая, но какого черта напускать на себя суровый и загадочный вид, пытаюсь превратить обычную бюрократическую суету вокруг разноцветных

бумажек в ледящую душу мистерию. Но теперь я вынужден был признать, что без пограничников это пространство выглядит совсем хреново. Опустевшее, заброшенное, утратившее практический смысл, оно вдруг исполнилось подлинной жути, нагнать которую никогда не удавалось людям в форме. Честно говоря, сейчас я бы им только обрадовался.

Я сердито передернул плечами, досадуя на собственную впечатлительность, и, чтобы как-то отвлечься, пошел вдоль автобуса, заглядывая в темные окна. Немногочисленные пассажиры, похоже, действительно спали беспробудным сном. «Потеряли сознание, лишены телевизора», – язвительно подумал я. На переднем сиденье дремала бортпроводница. В тусклом синеватом свете далеких фонарей ее очаровательный курносый профиль выглядел, прямо скажем, жутковато, поэтому я поспешно отвернулся и пошел дальше. Обогнул автобус, подошел к водительской двери, чтобы спросить, когда поедем дальше. На самом деле, я просто хотел увидеть хотя бы одного бодрствующего человека – для разнообразия. Это сонное царство, чего греха таить, действовало мне на нервы.

Но водительская дверь, к моему удивлению, была закрыта, а сам водитель, насколько я мог разглядеть, тоже сладко спал, откинувшись на спинку кресла. Его напарник дрых на соседнем сиденье.

– Черт знает что, – растерянно сказал я вслух. Звучание собственного голоса, как ни странно, подействовало на меня умиротворяюще, поэтому я с удовольствием повторил: – Черт знает что! – и полез в карман за телефоном.

Сейчас, думал я, позвоню Карлу. Скажу: «Прикинь, стоим на границе, и все спят, включая водителя, думаю – то ли будить их, то ли ловить попутку?» И он что-нибудь скажет, например: «Выдумай что-нибудь более интересное», а я...

«Набранный вами номер не существует», – равнодушно сообщил литовский робот женского пола, и я почувствовал, как на мой затылок ласково ложится ледяная рука паники.

Еще немного, и заору, подумал я, и внутренний голос с энтузиазмом подхватил: а давай! По крайней мере, хоть кто-нибудь проснется! Но я, конечно, не заорал, просто набрал другой номер, не мобильный, а домашний. Телефон выдал один гудок, короткий и неуверенный, после чего включился уже знакомый робот. «Набранный вами номер не существует, набранный вами номер не существует,

набранный вами номер не существует...»

– Да заткнись ты, падла механическая! – громко сказал я, пряча телефон в карман. Но тут же снова его достал, набрал номер Ренаты и дал отбой при первых же звуках металлического голоса.

– Что же это такое? – спросил я вслух. – Что происходит? Как такое может быть?

Трясущимися руками выудил из кармана портсигар, извлек очередную сигарету, кое-как прикурил, снова схватился за телефон и принялся названивать – еще раз домой, Карлу, Ренате, а потом тупо пошел по записной книжке, набирал все номера подряд, ждал если не ответа, то хотя бы нормальных человеческих гудков, но слышал все то же: «Набранный вами номер не существует», – причем в голосе робота постепенно стали появляться издевательские нотки.

Скулив сигарету до самого фильтра, я выбросил окурок и невольно проводил его взглядом, то есть, посмотрел вниз. И обнаружил, что туман, только что стелившийся по земле, уже окутал мои колени. Это открытие, само по себе незначительное и легко укладывающееся в мои представления о законах природы, стало последней каплей. Я заорал в голос и метнулся обратно, к открытой пассажирской двери. Ворвался в салон и, не раздумывая, бросился к водителю. Разбужу его, и пусть делает что хочет, лишь бы ехал отсюда скорее, давно уже пора ехать, черт знает сколько тут стоим, а он спит, скотина такая, с бодуна, что ли, в рейс вышел?..

– Почему мы никуда не едем? – громко спросил я.

Поскольку ответа не последовало, потряс водителя за плечо. Его рубашка была влажной, но пахла не потом, а почему-то речной водой. Мое прикосновение не произвело никакого эффекта – водитель не пошевелился, не выругался, даже не вздохнул. Да какое там, он, кажется, вовсе не дышал. Я метнулся к его напарнику – тот же результат. Влажная одежда, холодная кожа, острый запах сырости и никаких признаков жизни. В глазах у меня потемнело, давешняя ледяная ладонь по-хозяйски расположилась на затылке, но удивиться я так и не удивился, как будто заранее знал, чем все закончится.

– Мертвый, – сказал я вслух. – Он, блядь, сдох, падла такая, вместо того, чтобы ехать. И второй сдох, и эти все тоже. Полный автобус трупов, и только я один

живой как поц. Господи боже, что делать?

– Ехать, – ответил я себе. – Ты же хотел уехать отсюда. Ты-то живой, какие проблемы, давай, вперед.

Стиснув зубы, чтобы не взвыть от омерзения, я принялся спихивать неподвижного водителя с сиденья. Мужик, как назло, попался здоровенный и в кресле своем утвердился прочно, но в конце концов я как-то переместил его на пол и сел за руль. Мотор все еще работал, и автобус послушно тронулся с места, как только я снял его с тормоза. Сперва я ехал очень медленно – до сих пор мне никогда не доводилось управлять пассажирским транспортом, так что осваиваться пришлось, считай, с нуля. Но постепенно разобрался и чуть-чуть увеличил скорость, потом еще немного, и еще. Думал: доеду сейчас до ближайшей бензоколонки, позвоню в полицию, все как-нибудь прояснится и уладится, ты, главное, не теряй голову, дружище, очень тебя прошу.

– Мужик, ты кто? – заплетающимся языком спросил мертвый водитель. – Ты откуда взялся? Куда едешь? Какого беса?..

Я оказался таким молодцом, что сперва медленно и аккуратно съехал на обочину, остановил автобус и только потом разрешил себе испугаться, но острое желание разбить лобовое стекло и с воплями выскочить в ночь к тому моменту уже прошло, поэтому лицо я сохранил.

– Ну, слава богу, хоть ты живой, – сказал я и полез в карман за сигаретами. Руки при этом тряслись так, что я чуть карман не оторвал. Страх в глазах водителя сменился любопытством.

– Эй, ты чего? А кто не живой? Что случилось-то? И кто ты такой? – спросил он, теперь уже вполне внятно.

– Ты извини, – сказал я, – но я тут у тебя покурю. Это раз. Я – пассажир, это два. Сел в Вильнюсе, билет могу показать. Что случилось, не знаю – это три. Я проснулся, когда мы стояли на границе. Дверь была открыта, я вышел проветриться. Все спали, включая вас с напарником, но это ладно бы. Телефон не работал, я никому из своих дозвониться не смог, но это тоже ладно, со связью всякое бывает. А потом я сунулся к тебе, чтобы спросить, почему так долго стоим. И мне показалось, что ты холодный и не дышишь. И этот, – я кивнул на

все еще неподвижного напарника, – тоже. И вообще все. Я вас тряс и громко орал на весь автобус, но никто даже не шелохнулся. Я чуть не обосрался. Но решил, что надо доехать до бензоколонки – ну, до любого места, где есть люди. Вызвать полицию, скорую, пожарных...

– Пожарных-то зачем? – серьезно спросил водитель.

– Чтобы водички дали попить, – огрызнулся я. – Ну сам подумай, откуда я знаю, кого надо вызывать в таких случаях?

– Яша, это кто тут? – сонно пробормотал второй водитель. – Чего стоим?

Яша, значит. Спасибо, хоть не Лазарь.

– Мальчики, что-то случилось? – шепотом спросила бортпроводница. Я и не заметил, как она подошла.

– Херня какая-то на границе случилась, сам ничего не понимаю, – тоже шепотом ответил мой оживший покойник. – Этот, – он кивнул на меня, – говорит, все отрубились, а он нет. Разбудить никого не смог. И как-то нас оттуда увез. Ну и слава богу. Сейчас покурю и поедем дальше.

Бортпроводница прижала ладони к щекам, тихонько ахнула:

– Погоди, а когда граница-то была? Ничего не помню. Мы же ее еще засветло должны были проезжать, около восьми. Как я могла заснуть? А вы как?..

– Все, хватит, – бесцеремонно оборвал ее водитель Яша. – Ты не помнишь, я не помню, он не помнит, зато все живы-здоровы, считай, не было ничего. Иди, выпусти пассажиров покурить, а то они все сейчас сюда ломанутся выяснять, чего встали в чистом поле.

В салоне автобуса, меж тем, началась какая-то жизнь – кашель, голоса, шелест пакетов и скрип сидений. Обычно такие звуки меня раздражают, но сейчас показались сладостной музыкой. Симфония ре-мажор «Все опять нормально», исполняет любительский оркестр воскресших мертвецов. Слушал бы и слушал. А тут еще бортпроводница вступила с короткой, но содержательной арией на двух

языках: «Стоянка десять минут, просьба не опаздывать, тен минетс стоп, плиз донт би лейт». Дружный топот ног по проходу был ей ответом.

– Не хочешь проветриться? – спросил меня водитель Яша. – У нас тут вообще-то нельзя курить. Сами мучаемся.

– Да, извини, – я поспешно выбросил сигарету в приоткрытую форточку. – Ни черта не соображаю. Сейчас пойду. Но... Что это вообще было?

– Ты меня спрашиваешь? Сам же говоришь, я спал, ни на что не реагировал. Откуда я знаю?

– Ну как. Вы же все время там ездите. Наверное, не в первый раз такое. Или в первый? Просто ты как-то слабо удивился. И вроде не испугался. И почему-то сразу мне поверил. Я бы на твоём месте решил, что мужик за рулем – террорист, отравил всех газом, угнал автобус...

– Ага, прямиком в Албанию, – ухмыльнулся он. – Стал бы террорист так радоваться, когда я очухался... Пошли, пошли, я сам покурить хочу.

Мы вышли на улицу, и водитель Яша доверительным шепотом сказал:

– Границы, знаешь, такие заподлые места, всякое бывает. Я сам еще никогда так не попадал, но ребята рассказывали... Нет, стоп. Извини. Не хочу об этом болтать. Нам завтра назад ехать. А потом опять туда-обратно. Лучше не задумываться.

Он огляделся по сторонам, увидел впереди дорожный указатель, подошел поближе, покачал головой, вернулся и деловито спросил:

– Ты от границы, получается, долго ехал?

– Мне показалось, минут двадцать. Но на самом деле, наверное, еще меньше.

– Ну-ну. А проехал двести с лишним километров, – флегматично заметил водитель. – Так что идем почти по графику, еще до Варшавы нагоним.

– Это как такое может быть?

– А вот так. Есть – значит может. Все, закрыли тему. Сказал же, не хочу об этом думать... Светка! – позвал он.

Симпатичная бортпроводница бесшумно материализовалась у меня за спиной.

– У тебя там коньячок был. Дай человеку выпить. Ему надо.

Она кивнула, достала из сумочки початый шкалик, молча протянула мне.

– Забирай, – великодушно сказал водитель. – Ты все сделал как надо. Спасибо, что нас оттуда увез. А теперь выпей и постарайся поспать. И учти, если начнешь расспрашивать меня утром, я скажу, что ничего не было. И Светка подтвердит. И Римас. Нам всем тут еще ездить и ездить. Так что не начинай. А еще лучше – совсем забудь. И летай самолетами.

Его поведение ошеломило меня чуть ли не больше, чем все предшествующие события. Но спорить совершенно не было сил. Поэтому я молча кивнул, взял коньяк и пошел прочь. Чувствовал, что эти двое смотрят мне вслед, но оборачиваться не стал. Обошел автобус, забрался в салон, упал в свое кресло, достал из кармана телефон и позвонил Карлу. На этот раз пошли гудки, потом раздался его голос:

– Как дела, Фил?

Я открыл было рот, чтобы подробно рассказать, как у меня дела, но вовремя передумал. Не телефонный разговор. Потом. Может быть.

– Все хорошо, – сказал я. – Автобус пустой, кондиционеры работают. Я почти сразу уснул, потом проснулся, вышел покурить, а водитель зачем-то подарил мне бутылку коньяка. И я решил, что обязательно должен рассказать тебе об этом удивительном происшествии, а то завтра сам не поверю, что это было наяву. Сейчас выдую коньяк и буду спать дальше.

– Весь сразу, что ли, выдуюшь? – изумился Карл.

– Конечно, весь, чего мелочиться. Бутылка двухсотграммовая, к тому же из нее уже кто-то отпил. Так что спокойной ночи. И передай Ренате спасибо за чай, он мне очень пригодился. А завтра с утра еще раз пригодится, заранее предвкушаю.

– Передам, конечно... Эй, Фил, я почему-то очень рад, что ты позвонил. Я имею в виду, гораздо больше, чем положено в подобных случаях.

– Знал бы ты, как я сам этому рад, – искренне сказал я.

А потом исполнил свое обещание – залпом опустошил дареный шкалик, запил его чаем, выглянул в окно, озадаченно проводил глазами далекую неоновую надпись «Тяжелый свет Куртейна», натянул плед на голову, сказал вслух: «Ну их всех в жопу», – и заснул так крепко, как даже в собственной постели нечасто получается.

Когда я открыл глаза, мы как раз въезжали в Прагу. Часы на телефоне показывали 10:10. Хорошее время, люблю такую симметрию. По всему выходило, что за ночь водители не только наверстали упущенное, но и опередили график почти на два часа, по расписанию нам полагалось прибыть в Прагу только в полдень.

Подумав об этом, я тут же вспомнил, какая фигня творилась ночью, и содрогнулся, но быстро нашел выход, веско сказал себе: «Чего только не приснится», – и чуть не умер от облегчения. А что ж, мне еще и не такое порой снится; мои ночные кошмары бывают столь правдоподобны, что так называемая реальность стыдливо забивается потом в темный угол и сидит там смиренно, убоявшись конкуренции. В детстве я вообще не мог отличить одно от другого, вечно бродил и разговаривал во сне, озадачивая взрослых своими лунатическими выходками. Но мало ли что было в детстве.

Я достал из рюкзака термос, допил все еще горячий чай и уставился в окно. Городской пейзаж по мере приближения к центру становился все более привлекательным. Вот и прекрасно, буду его разглядывать. Все лучше, чем...

«Ты меня, конечно, извини, – осторожно сказал мой внутренний голос, – но если это был только сон, с какой стати ребята поделились с тобой коньяком? Или ты

пустой шкалик из сновидения приволок, чтобы сдать поутру? Хозяйственный какой, молодец. Даже жаль, что такую тару нигде не принимают, придется теперь обратно уносить».

«Цыц! – внутренне рывкнул я. – Может, я этот шкалик в Каунасе купил, на автовокзале. Мало ли, что не помню, я же носом весь день клевал...»

Но было поздно. Этот гад, в смысле внутренний голос, уже разбудил во мне способность сомневаться. Чем плох скептический ум вроде моего – он подвергает сомнению не только завиральные идеи, а вообще все подряд, в том числе здравые, разумные объяснения, которые меня полностью устраивают.

Несколько секунд я колебался, а потом достал из кармана телефон, открыл список исходящих звонков и содрогнулся. Последний звонок Карлу в двадцать три с минутами – с ним все в порядке. Было дело. Проснулся, позвонил зачем-то домой и снова уснул. Но предыдущие девятнадцать вызовов, сделанные примерно часом раньше, – фрагмент моей записной книжки, которую я, совершенно верно, в панике обзванивал, набирая все номера подряд, включая службу вызова такси и стоматологическую клинику, вот смеху было бы, если бы дозвонился...

«Ну и что? – строго спросил я себя. – По дому ходить, не просыпаясь, можно, а по телефону звонить – нет? Почему, интересно?»

«Ай, ладно, – отмахнулся мой внутренний голос. – Сам знаешь, никакой это был не сон».

Ну да, сам знаю. Я много чего «сам знаю», в подавляющем большинстве случаев это здорово осложняет жизнь.

Но, по крайней мере, лезть с расспросами к водителям я не стал. Просили люди оставить их в покое – пожалуйста. Единственное, что я себе позволил – ласково сказать на прощание бортпроводнице: «Спасибо вам за коньяк, Света».

– Ой, ерунда, сколько там того коньяка было, – смутилась она. Тут же осеклась, отвела глаза, но поздно, я уже выяснил, что хотел. И, стараясь сохранять безмятежность – хотя бы на лице – зашагал к зданию автовокзала, где призывно маячил кофейный автомат.

Автомат, впрочем, жестоко обманул мои ожидания. В отличие от наших виленских автопоилок, которые предлагают страждущим скверный, но все-таки натуральный кофе, он торговал всеми мыслимыми разновидностями растворимого. Зря я предусмотрительно запасся мелкими кронами – не пригодилось.

– Кругом враги, – вслух сказал я и пошел к стоянке такси. Уж в отеле-то найдется для меня чашка эспresso – при условии, что минувшей ночью мы не впендюрились со всей дури в какую-нибудь гнусную параллельную реальность, где о существовании натурального кофе даже любознательные ученые не догадываются.

Реальность, параллельная, или нет, была милосердна. И эспresso в отеле мне дали, и завтраком накормили за почти символическую доплату, и в номер пустили на час раньше положенного срока. Даже банный халат, поджидавший меня в душе, был длинный, почти до пят, а не куцая махровая жакетка, как обычно. Казалось бы, живи и радуйся. Но нет, в голове моей теснились Беспокойные Мысли – именно так, с большой буквы, крупные, жирные, тяжелые, поди избавься от них.

– А скажи-ка мне, милый друг, – спросил я свое зеркальное отражение, до отвращения встревоженное, – почему тебе так не нравится ночное происшествие, в ходе которого ты вел себя абсолютно правильно, оказался большим молодцом и, судя по всему, всех спас? Неизвестно от чего, непонятно каким образом, но спас – факт.

Отражение отмахнулось от моих аргументов. Подумаешь – оказался молодцом. Я никогда не мечтал стать героем, даже в детстве довольно равнодушно относился к такой перспективе. «Всех спас» – дело житейское, с кем не бывает, просто обстоятельства так сложились, гордиться особо нечем. Зато вводная «неизвестно от чего, непонятно каким образом» меня решительно не устраивала. Мне не так много надо от жизни, я, можно сказать, аскет, но всегда понимать, что со мной происходит, – это обязательное условие. Иначе я не согласен. Я даже бухать подвязал, убедившись, что у меня слишком быстро срывает башню и я перестаю осознавать происходящее. Мой разум полагает такое положение вещей оскорбительным и невыносимым.

И тут – нате пожалуйста. Дикая, бредовая, абсолютно необъяснимая история, которая даже в качестве сновидения, прямо скажем, не слишком меня устроила бы, оказалась реальным происшествием. Косвенного подтверждения, полученного от конопатой бортпроводницы Светы, к сожалению, достаточно, я скептик, но не идиот, поэтому знаю, что все было на самом деле, и не могу это знание отменить.

– А ведь мог быть счастливым придурком, одним из тех, кто все проспал, – вслух сказал я. И тут же подумал – интересно, а если бы я не проснулся и не побежал курить, чем бы дело кончилось? Где бы мы все сейчас были? А если бы и проснулся, и вышел, и перепугался, но не умел бы водить даже легковую машину? Ну, есть же люди, которые не умеют, их полным-полно. Вот что бы я тогда стал делать, интересно? И, опять же, где бы сейчас был? На границе, с полным автобусом мертвецов? Или?..

На этом месте мое воображение отказалось от дальнейшего сотрудничества. Оно и к лучшему. Не хочу об этом думать. Но больше ни о чем не могу.

– А ну марш на улицу! – сурово приказал я себе. – Такой красивый город, люди старались, строили, а ты как дурак в отеле сидишь, эзотерические сопли по ряже мажешь.

– Да пошел ты, – лениво ответил я внутреннему воспитателю. Но все-таки принялся одеваться. Он, конечно, хамло редкостное, но дело советует.

Лучше бы я остался в отеле. В таком настроении не следует отправляться на прогулку по городу, особенно после многолетнего перерыва, когда впечатления свежи и остры, как в самый первый раз, а требования завышены в угоду смутным воспоминаниям о предыдущем визите. Прага была восхитительна, за время моего отсутствия она даже похорошела, но я больше не находил в ней примерещившегося мне в прошлый раз потаенного глубинного смысла. Теперь город напоминал мне Ренатину шкатулку с бижутерией, заменявшую сундук с сокровищами, когда мы с ней играли в пиратов, – такой же набор красивых разноцветных безделушек, который кто-то когда-то условился считать драгоценностями, но игра затянулась, и тех, кто придумывал правила, уже нет в живых, а нынешние игроки не догадываются, что все понарошку, один я такой умный, самому тошно.

Избыточная красота улиц раздражала меня даже больше, чем бесчисленные стада экскурсантов; впрочем, все это ни в какое сравнение не шло с раздражением, которое вызывал у себя я сам – терпеть не могу капризных туристов, которым все не впрок. Отвратительные, гнусные типы, и я – один из них, самое бесчувственное и сварливое бревно на обоих берегах Влтавы. Отдать бы мой номер в отеле и деньги, которые я здесь без всякого удовольствия просажу, какой-нибудь учительнице из Чебоксар – да любому нормальному, неизбалованному человеку, способному по достоинству оценить выпавшее на его долю счастье, смотреть по сторонам, распахнув рот, щелкать дешевым фотоаппаратом, гулять до зари, дорожа каждой минутой, и радоваться, радоваться, радоваться, черт побери.

Кружным путем, то и дело шарахаясь от очередной человеческой отары, бредущей к Карлову мосту, я вышел на берег Влтавы. Здесь было более-менее пусто, лебедей и прочих водоплавающих на песке топталось много больше, чем желающих их покормить. А у самой воды росла старая раскидистая ива. Я с первого взгляда заметил удобную развилку, на которой можно пересидеть приступ разлития желчи. Залезть на дерево – верный способ привести голову в порядок, по крайней мере, для меня. Я и залез, игнорируя интересы собственных штанов и изумленные взоры немногочисленных зевак. Ничего, ничего, здоровье дороже.

Стоило мне как следует устроиться среди ивовых ветвей, настроение немедленно начало исправляться. Я закурил, блаженно прикрыл глаза и предался разнузданному самоанализу. Если уж позволяешь себе на ровном месте превращаться в бессмысленное, раздражительное фуфло, будь добр хотя бы понимать, почему ты это делаешь.

Ответ лежал на поверхности. Что-что, а «место» в данном случае ни хрена не «ровное». Ночное происшествие не только напугало, но и рассердило меня. От него разило дремучей, непролазной мистикой, а я раз и навсегда решил, что никакой мистики в моей жизни больше не будет. Хватит с меня этой херни. Наигрался уже. По самое немогу.

В детстве чудеса были для меня самым обыденным делом. То есть я даже не знал, что это и есть «чудеса» – выбирать сны по своему вкусу, а в некоторые находить лазейки наяву и всегда возвращаться обратно, даже не успев толком испугаться; получать желаемое, не озвучивая просьбу, а неуловимым волевым усилием заменяя текущую картину мира новой, в рамках которой вожаделенное

событие не может не случиться; препираться с невидимыми для всех остальных существами, обитающими в темноте, когда им казалось, будто я нарушаю границы их территории; говорить разбитой коленке: «А ну, не боли!» – и бежать дальше, а вечером с недоумением разглядывать уже зарубцевавшийся след – откуда это? когда успел? Я думал, со всеми так время от времени случается, твердо знал, что это и есть нормальная человеческая жизнь, вернее, самое ее начало, потому что потом, скоро-скоро, я вырасту и – ой что будет!

Но по мере того, как я рос, событий такого рода становилось все меньше, мои невидимые приятели больше не показывались, желания исполнялись разве только по мановению руки доброго волшебника Карла или ценой моих собственных трудов; редкие сновидения все чаще оборачивались кошмарами, и беспомощность моя была столь велика, что даже пробудиться по собственной воле я больше не умел. Постепенно я привык считать свою жизнь несбывшимся обещанием, но в глубине души подозревал, что несбывшимся обещанием оказался я сам.

Понятно, что я не сразу смирился с таким положением дел. Думал, все еще можно исправить, чудесный мир, частью которого я был в детстве, по-прежнему рядом, где-то здесь, за невидимой стеной, надо только найти дверь и подобрать к ней ключ. Мои книжные полки ломились от эзотерической литературы, а в списке ближайших друзей стабильно фигурировала как минимум полудюжина каких-нибудь йогов, экстрасенсов, гадалок и просто начитанных мистиков-любителей вроде меня самого. Неизменным оставалось только их наличие, а персоны стремительно сменяли одна другую по мере того, как рос список моих разочарований.

Ей-богу, лучше бы я сразу отчаялся и поставил на себе крест. Все получалось как-то наперекосяк, вожделенный пир духа не тянул даже на полдник в Макдональдсе. На роль моего очередного гуру пробовались люди в лучшем случае просто восторженные и недалекие; впрочем, несчастных психов и откровенных шарлатанов было гораздо больше. Все наперебой сулили мне скорое просветление и прочие духовные победы, но не похоже, что хоть кто-нибудь был лично знаком с невидимыми существами, населявшими темноту моего детства. Самостоятельные бессистемные занятия разными практиками окончательно сорвали мне крышу и сбили дыхание, зато подняли качество ночных кошмаров на недостижимую высоту. Стремясь понять, что я делаю не так, я то и дело записывался на занятия йогой и цигуном, ездил на семинары по тенсегрити, прибивался к группам, практикующим даосские техники – и сбегал,

самое позднее, на третий день; впрочем, для очередного разочарования мне обычно хватало нескольких минут. Главное всегда было видно сразу: здесь собрались слабые, беспомощные люди, которые, по большому счету, хотят только одного – спастись. От чего именно – дело десятое. А как они себя при этом ведут, какого рода пыль пускают в глаза неопитам и что обещают им в обмен на почтительность и слепую веру – это уже даже не десятое, а примерно триста восемнадцатое дело.

Чужая слабость всегда казалась мне заразной, а бежать от этой чумы я мог и без мистических озарений. Что-что, а уходить, не привлекая к себе внимания, я умел всегда.

В конце концов, я был вынужден признать: поиски мои совершенно бессмысленны. Чудес больше не будет, во всяком случае, для меня. И силой их не возьмешь, и хитростью не выдуришь, и даже не выклянчишь, отчаявшись. В глубине души я догадывался, что проблема во мне самом – видимо, есть во мне какая-то червоточина, которая как магнитом притягивает всякое фуфло, а настоящее, наоборот, отталкивает. Вообще-то, я себе скорее нравился, чем нет, никаких особо ужасных изъянов в потемках собственной души не обнаруживал, но иных разумных объяснений не находилось. В конце концов, внешний мир – зеркальное отражение внутреннего, с этим не поспоришь. А существует ли выход из такого положения, в книжках не говорилось – я очень внимательно перечитал их напоследок, прежде чем отволочь к букинисту, а другие покупать не стал. Хватит с меня.

То есть я, можно сказать, обиделся на магическую составляющую бытия за то, что она меня бросила. Сказал: нет уж, это я тебя бросил, обойдусь, и не вздумай приходить, раз так. Детский сад, конечно, но я и был тогда почти мальчишкой. Впрочем, нельзя сказать, что я с тех пор как-то фатально поумнел. Опыта житейского поднабрался, это да. А толку-то.

«Слушай, – сказал я себе, – а чем ты, собственно, сейчас-то недоволен? Неплохое же вышло приключение. Жуткое, конечно, зато настоящее, без обмана. Все лучше, чем брошюры листать. И вел ты себя молодцом. И закончилось все хорошо. Просто отлично закончилось!

«Вот именно! – взвыл я. – Закончилось! Все на хрен закончилось, не успев начаться. Живи теперь дальше, как последний дурак, будто не было ничего...»

Это открытие стало для меня полнейшей неожиданностью. Ни хрена себе дела. Думал, бешусь от страха и растерянности, а оказывается, обижаюсь, что все слишком быстро закончилось. Недостаточно, значит, перепугался. В штаны не успел навалить, какая жалость!

«Ничего, ничего, – язвительно пообещал я себе. – Эксперимент можно повторить. Да хоть раз в неделю через польскую границу мотайся туда-обратно, не самое дорогое удовольствие. А можно и пешком, с палаткой – для остроты ощущений».

Я невольно улыбнулся, вообразив, как устанавливаю палатку возле опустевшей пограничной будки, разжигаю костер, воскурю благовония, достаю из рюкзака картошку и усаживаюсь в позу для медитации, весь увешанный охранными амулетами из московского магазина «Путь к себе». Мрачное настроение улетучилось окончательно. Я же говорю, когда начинаешь превращаться в кусок сварливого дерьма, нет ничего лучше, чем залезть на дерево. Как рукой снимает.

Я спрыгнул на землю. Ко мне тут же вразвалку подошел нахальный толстый лебедь, окинул оценивающим взглядом, увидел, что руки мои пусты, и, презрительно хрюкнув, поковылял прочь. А я огляделся по сторонам и обнаружил, что Прага понемногу начинает мне нравиться. Взять хотя бы панораму противоположного берега – как ни крути, а хороша. Для укрепления зарождающейся симпатии оставалось найти сносную кофейню, желательно в течение получаса, пока настроение снова не начало портиться, а то придется до ночи по деревьям сигать.

Кофейню я нашел быстро. Не то чтобы такую уж хорошую, но вполне пристойную – полупустую, с курящим залом и сливочным капучино в меню. Сделал заказ, тут же получил желаемое, попробовал и остался чрезвычайно доволен. Сладкие, густые помои, именно то, что надо.

Страшная правда обо мне заключается в том, что я не слишком люблю кофе. Однако пью его ведрами. Дело даже не в бодрящем действии кофеина, которое, строго говоря, требуется только по утрам, да и то не всегда. Вкус кофе успокаивает меня и примиряет с жизнью, возвращает ногам вечно норовящую уйти из-под них твердую почву и придает жизни хоть какое-то подобие смысла. Это один из немногих уцелевших мостов в детство, калитка, ведущая прямоком

в райский сад, откуда меня изгнал неумолимый Кронос. В нашем доме всегда пахло свежесмолотым кофе, Рената варила его по утрам, а Карл, когда был дома, – четырежды в день как минимум. Чужой кусок сладок, вот и я вечно норовил отхлебнуть из его чашки – подумаешь, невкусно. Невысокая цена за ощущение причастности к прекрасной, загадочной взрослой жизни. Хитрая Рената добавляла чайную ложку кофе в горячее молоко, которое я ненавидел, и я выпивал его практически залпом, еще и добавки просил, очарованный не вкусом, который вовсе не становился лучше, но восхитительной переменной цвета и запаха. Словом, я не люблю кофе, но когда пью его, я почти счастлив, а только это и важно.

Временно примирившись с собой и обстоятельствами, я болтался по городу до наступления сумерек. А потом местные духи-хранители спохватились, решили проучить меня за давешний приступ брюзгливости и включили мелкий, противный, по-осеннему холодный дождь. Возвращаться в гостиницу пока не хотелось, и я принялся оглядываться по сторонам в поисках подходящей забегаловки. Без особой надежды, честно говоря, кабаков-то много, а вот отыскать место, где можно не просто убить время, а с удовольствием его провести – задача почти непосильная. Обычно я распознаю такие заведения с первого взгляда, проблема в том, что их очень мало – не только в Праге, а вообще на этой планете.

Пока я топтался под навесом трамвайной остановки, придирчиво изучая окрестные вывески, мимо прошла небольшая шумная компания, одетая настолько пестро и причудливо, что я сперва счел их фрагментами сновидения и обрадовался – надо же, сплю на ходу, и сны мои смешиваются с реальностью, совсем как в детстве, вот уж не надеялся когда-нибудь снова...

И правильно, что не надеялся. Никакие они были не сновидения. Просто местная молодежь в диковинных костюмах, которые так нравятся туристам, живые скульптуры на отдыхе, даже грим толком не смыли, накинули куртки прямо на рыцарские латы и клоунские трико – и вперед, в пивную. «Кстати о пивной, – подумал я, – а не сесть ли им на хвост? Не факт, что забегаловка непременно будет хороша, но такая компания украсит любой интерьер».

Мои короли и шуты тем временем прошли мимо и скрылись за поворотом; я немного замешкался, раздумывая, действительно ли мне этого хочется, наконец, махнул рукой: на месте разберемся, не понравится – уйду, – и устремился за ними.

Открывшаяся мне улица была темна и абсолютно пустынна, значит, эти красавцы уже куда-то зашли. Осталось понять, куда именно. В свете тусклого фонаря я с трудом разглядел неприметную вывеску «Blue Light» и совсем уж мелкие, но многообещающие надписи на массивных деревянных дверных створках: «Jazz Bar», «MuSlc», «COcTaILS». То есть можно было с известной уверенностью предположить, что нынче вечером мне суждено избежать главной опасности – расплавленной свинцовой попсы, которую немилосердно льют в уши несчастных забулдыг в доброй половине питейных заведений. Благословляя ряженных и собственную мудрость, велевшую следовать за ними, я потянул на себя тяжеленную дверь и нырнул в пропахшую табачным дымом теплую темноту.

Бар полюбился мне с первого взгляда; второй же превратил мимолетную симпатию в глубокое и зрелое чувство. Здесь царил красноватый, словно бы разведенный брусничным морсом полумрак, стояли отполированные временем черные столы и уродливые, но удобные стулья, шершавые стены были украшены старыми афишами и бесчисленными, вручную процарапанными надписями на доброй дюжине языков; сперва я принял их за чистую монету и подивился трудолюбию и ловкости здешних завсегдатаев, ухитрившихся оставить память о себе даже под потолком, и только потом понял, что все эти «Яцек любит Сабину» и «Здесь был старый Свенсон» – часть тщательно продуманного дизайнерского замысла. Пожилой патлатый бармен, облаченный в скрипучий кожаный жилет, был хмур и сосредоточен, а юные, почти налысо стриженные официантки с проколотыми бровями, напротив, неподдельно приветливы. Вместо обещанного вывеской джаза в колонках негромко пел Фредди Меркьюри – оно и неплохо, уж насколько я не люблю слушать музыку вполуха, но с таким звуковым фоном готов мирно сосуществовать часы напролет.

Мои живые скульптуры тоже были тут, как раз сдвигали столы, рассчитанные на двух-трех сотрапезников, чтобы разместиться вшестером. Я сразу приметил пустующее место в углу, отличный наблюдательный пункт, устроился там поудобнее и, в ожидании меню, принялся глазеть на прекрасных незнакомцев.

Король и Королева в парадном облачении, с тщательно загримированными лицами, оба очень высокие, статные, широкоплечие, у обоих из кружевных манжет торчали большие, обветренные, неухоженные руки; надо думать, к костюмам прилагались перчатки, которые царственные особы сейчас сняли. Пол Королевы не вызывал особых сомнений – женщин с такими ручищами природа не создает даже ради разнообразия.

Зато смуглая, красивая Коломбина и бледная дева с зелеными кудрями, изображавшая не то русалку, не то утопленницу, были женственны и изящны, каждая на свой манер. Забавно, что Коломбина обладала томной грацией умирающего лебедя, а Утопленница, напротив, взрывным темпераментом, который проявлялся во всяком ее жесте и движении. «Черт в юбке», – говорит о таких Рената. В ее устах это своего рода сертификат качества.

Рыцарь в ярко-красной куртке, надетой прямо поверх позолоченных доспехов, был почти великаном – на добрых полголовы выше здоровенных Короля с Королевой. Он был серьезен и строг, носил свой бутафорский наряд с неподражаемым достоинством и выглядел в нем столь естественно, что казался не ряженым комедиантом, а единственным нормальным человеком, одетым, как подобает, впору устыдиться: как же это я нынче оплошал, вышел из дома без доспехов? Даже эта его дурацкая спортивная куртка почему-то не ослабляла, а, напротив, каким-то непостижимым образом усиливала эффект, добавляла достоверности образу, так что я бы совершенно не удивился, обнаружив в его картонных ножнах самый настоящий меч.

На столь роскошном фоне последний из шестерки выглядел откровенно жалко. Он, насколько я понял, изображал дикаря, вернее, дикарку – к облегающему черному трико в надлежащем месте были пришиты два унылых мешочка, символизирующих обвисший бюст с оранжевыми помпонами вместо сосков. На бедрах болталось подобие юбки из зеленой ткани, искромсанной в лапшу ради сходства с травой. Тряпичная маска, изображающая черную рожу с выпученными глазами и огромными красными губами, сейчас красовалась на крюке для шляп, а шею Дикарки венчало тонкое, нервное, очень бледное лицо немолодого лысеющего мужчины. Несмотря на убогий наряд, Дикарка, судя по всему, был самой важной персоной в этой компании, по крайней мере, участия в перетаскивании мебели он не принимал, даже стул ему услужливо подал Король – в то время как обе девицы усаживались без посторонней помощи.

Живые скульптуры наконец расселись, а мне принесли меню. Недолго думая, я заказал джин-тоник – идеальное решение, если собираешься добросовестно пить весь вечер и остаться трезвым. Любой другой напиток выводит меня из строя довольно быстро, и только живительная горечь тоника творит чудеса.

У ребят, как я понимаю, такой задачи не было, поэтому они выбирали выпивку долго, с надлежащим тщанием и полной самоотдачей, адресовали друг другу

вопросительные взгляды и давали советы, тыча в меню, что-то подсчитывали на пальцах и никак не могли окончательно определиться. Видимо, денег у них было в обрез, зато желаний – в избытке. Я сам когда-то регулярно оказывался в таком положении и теперь искренне им сочувствовал. С удовольствием угостил бы всю компанию, да повода не было, а вот так, на ровном месте навязываться незнакомым людям я ни за что не стану.

– Не пей вина, Гертруда! – вдруг громко сказала Утопленница зависшему над меню Королеве.

Я сперва рассмеялся от неожиданности, и только потом удивился: Утопленница процитировала Шекспира по-русски, и вся компания, судя по одобрительным ухмылкам, прекрасно ее поняла.

Ряженные тем временем дружно уставились на меня. Видимо, я заржал несколько громче, чем следовало. Поскольку я сидел в полном одиночестве, догадаться о причине моего веселья было, прямо скажем, нетрудно. Утопленница и Рыцарь одарили меня приветливыми улыбками, Коломбина скользнула оценивающим взглядом и поспешно отвернулась, Король уставился с откровенным любопытством, а Дикарка глядел мрачно и, я бы сказал, обреченно, словно заранее приготовился к неприятностям, источником которых я могу оказаться. Только Королева остался равнодушен к моей персоне: он медитировал над меню. Все бы так.

– Вы совсем не похожи на русского туриста, – наконец сказала Утопленница.

Это прозвучало как комплимент; строго говоря, это и было комплиментом. «Русский турист», вернее, стереотипное представление о нем – то еще пугало. Отмалчиваться было бы невежливо.

– Это потому, что я не русский турист, – объяснил я. – То есть условно русский, но не турист. По делу приехал. – И, не удержавшись, добавил: – Вы меня тоже удивили. Думал, живыми скульптурами только местные жители работают.

– Всякое бывает, – пожала плечами Утопленница. – Но мы, в общем, и есть местные. Условно местные.

Она явно дразнилась.

Я вежливо кивнул, придал лицу неопределенное, умеренно одобрительное выражение примерно соответствующее реплике: «Эвона как», – и стал лихорадочно соображать, как бы этак элегантно свернуть беседу, сохранив за собой право остаться молчаливым, никого не обременяющим своим присутствием наблюдателем. Задача, что и говорить, почти непосильная.

– Если вы никого не ждете и располагаете временем, присоединяйтесь к нам, – неожиданно предложил Рыцарь. Он говорил по-русски с очень сильным акцентом, но свободно и так бегло, что слова норовили смешаться в кашу, я едва разобрал.

В его устах это неожиданное предложение прозвучало настолько естественно и убедительно, что сразу же показалось мне единственным разумным выходом из ситуации. Если уж неназойливым наблюдателем мне не быть, почему бы не присоединиться к этой причудливой компании, действительно.

– Тогда с меня причитается, – объявил я, придвигая к соединенным столам еще один стул. – Бутылка коньяка – это хороший вступительный взнос?

Только теперь Королева соизволил оторваться от меню. Он уставился на меня с неподдельным обожанием.

– Это было бы круто, – сказал он прекрасно поставленным басом.

Дикарка пробормотал что-то неразборчивое. Он говорил по-чешски, но суть я уловил: дескать, собирались же пить пиво, какой такой коньяк. Но младшие товарищи быстро его переубедили, особенно усердствовала королевская чета, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении братьями-близнецами. Родом они, как сообщил Король, были из Саратова, а сейчас учились в Пражской киношколе, вместе с москвичкой-Утопленницей и Рыцарем, который приехал сюда аж из Копенгагена – то-то я его произношение едва разбирал. Аборигенами в этой компании были только Коломбина, уже благополучно завершившая обучение на кафедре анимации все в той же FAMU[4 - FAMU – Пражская киношкола, подразделение Академии изящных искусств в Праге (FILMOVA A TELEVIZN? FAKULTA AKADEMIE M?ZICK?CH UMEN? V PRAZE), основана в 1946–1947 годах.], но пока безработная, и угрюмый Дикарка, который не стал ничего о себе сообщать. Я, впрочем, и не выпрашивал.

После того, как мой вступительный взнос был доставлен и вскрыт, я сказал:

– Все-таки поразительная штука жизнь. Никогда бы не подумал, что в один прекрасный день услышу фразу: «Не пей вина, Гертруда», – сказанную не всуе, а обращенную натурально к королеве, изучающей карту напитков. Такой красивый эпизод. Больше всего на свете люблю, когда реальность – хлоп! – и превращается в тщательно отрежиссированный фильм. В такие моменты я как никогда близок к вере – если не в Режиссера, то хотя бы в Сценариста.

– Прибавьте к ним Продюсера, и получите идеальную Святую Троицу, – ухмыльнулся Рыцарь.

Он говорил по-русски так легко и свободно, что впору было счесть ужасающий акцент нормой и постараться хоть как-то ей соответствовать.

– Про Гертруду – это у меня дежурная шутка, – доверительно сообщила Утопленница. – С тех пор как этот красавец впервые накирлялся, не переодевшись после работы. Вы когда-нибудь пробовали снять с дерева, привести в чувство, отговорить от купания во Влтаве и доставить домой пьяную королеву ростом метр восемьдесят? Только и остается молиться, чтобы это не повторилось, да Шекспира цитировать, единственное утешение.

– Метр восемьдесят четыре, Милочка, – кротко поправил ее Королева. – Я дорожу каждым своим сантиметром, они – все, что у меня есть, не нужно понапрасну уменьшать их число.

Король тем временем заботливо переводил нашу болтовню Коломбине, которая, судя по напряженному выражению лица, очень старалась нас понять, но распознавала одно слово из четырех – в лучшем случае. Дикарка всем своим видом показывал, что беседа ему неинтересна, но коньяк выпил залпом и тут же налил себе еще. Лицо его неожиданно смягчилось, и он снисходительно сообщил мне, тщательно подбирая русские слова:

– Людмила совсем помешанная с Гамлетом.

– Совершенно верно, – обрадовалась Утопленница. – Я еще лет десять назад придумала, как надо правильно экранизировать «Гамлета». И терпеливо ждала, когда кто-нибудь это сделает. Но никто не почесался. Пришлось все бросить и

ехать учиться на режиссера. А что делать, если все дураки?

Мне очень понравился такой подход к делу. Я бы и сам на ее месте так поступил – если бы мне повезло родиться счастливым идиотом, который всерьез верит, будто еще одна экранизация «Гамлета» – это ужасно важно.

– А как надо? – спросил я.

Коронованная чета схватилась за голову, видимо братьям приходилось выслушивать эту телегу чуть ли не ежедневно. Но Утопленницу их досада совершенно не смутила.

– Коротко говоря, надо, чтобы декорации по ходу дела сходили с ума вместе с персонажами. Действие начинается в совершенно нормальном Эльсиноре, все должно быть идеально, чтобы даже самый злобный специалист по той эпохе не смог придраться. По мере того, как Гамлет приходит в смятение, в замке начинают появляться неуместные предметы – японская чайная посуда, кресла рококо, африканский идол в часовне, радиола в спальне Гертруды и... ну не знаю, да хоть ксерокс на кладбище, среди надгробий. И само пространство тоже должно меняться – вдруг в Эльсиноре возникают дорические колонны, современные пластиковые окна, лестница обзаводится современными перилами, а под конец вообще начинает двигаться как эскалатор. И так далее. К моменту похорон Офелии в замке воцаряется такой хаос, что все выходы персонажей на его фоне кажутся разумными и адекватными. Финальная сцена будет происходить уже в каком-нибудь эшеровском пространстве с лестницами, уходящими в потолок, и зеркальными стенами, загроможденном предметами всех эпох, назначение доброй половины которых непонятно даже самому искушенному современному зрителю. Примерно вот так.

Рассказывая, она хорошела на глазах, узкое, скуластое лицо вдруг оказалось на диво гармоничным, а темные круги под глазами подчеркивали их блеск и глубину лучше любого макияжа. Все-таки ничто так не красит человека, как вдохновение.

– Хотел бы посмотреть такую экранизацию, – сказал я. – По-моему, отлично может получиться.

– Если все сделать как следует, – кивнула Утопленница. – Художник-постановщик должен быть гений. Ну и бабки немереные, понятно.

– То есть главным гением все-таки должен быть продюсер, – ухмыльнулся Королева.

– И композитор, – добавил я. – Чтобы звуковой ряд не уступал визуальному.

– Все должны быть гениями, – твердо сказала Утопленница. – Иначе какой смысл?

– Но пока у тебя есть только гениальный сценарист, – заметил Рыцарь.

– В смысле? Кого ты имеешь в виду? – оживилась Утопленница.

– Ну как – «кто»? Шекспир, конечно.

– А, ну да, – вздохнула она.

– Сценарист, не спорю, отличный, – сказал я. – А все-таки именно «Гамлета» мне всю жизнь хотелось переписать. До сих пор руки чешутся.

Я, конечно, соврал. Идея переписать «Гамлета» пришла мне в голову только что, просто «всю жизнь хотелось» звучит более убедительно и позволяет продемонстрировать уважение к собеседникам. Дескать, не просто так чушь несу, а наболевшим готов поделиться.

– Переписа-а-ать? – протянула Утопленница. – А как?

– Рассказать, как повернулось бы дело, если бы Гамлет все-таки шлепнул дядю, пока тот молился. Удобный же момент. А что душа злодея в рай попадет – это он напрасно тревожился. Не человеческого ума дело, что будет с другими людьми после смерти. Не нам это решать, так что и беспокоиться не о чем. А ведь как все прекрасно сложилось бы! Король-отец отмщен, его призрак успокоен, Гамлет на троне, Лаэрт и Полоний живы, Розенкранц и Гильденстерн, кстати, тоже, Офелия готовит подвенечный наряд. Гертруда погоревала бы, конечно, но любимый сын, не сомневаюсь, разъяснил бы ей обстоятельства, а там и третий

муж нашелся бы в утешение, дурное дело нехитрое. Короче, все танцуют.

– Хорошая жизнь, но плохая пьеса, – заметил Рыцарь. – Драматург должен заставить персонажей делать глупости. От последствий их поступков зависит, трагедию или комедию мы получим на выходе. Но принцип один.

Я хотел сказать ему, что никогда еще не встречал столь внятного и убедительного теоретика драмы, но в беседу вмешался Король.

– Это же вы Цаплина пересказываете, я правильно понял?

Он выглядел, как заплутавший на чужбине разведчик, который после долгих бесплодных поисков связных вдруг услышал от случайного прохожего заветный пароль. Но мне нечем было его порадовать.

– К сожалению, нет. Я даже не знаю, кто такой Цаплин.

– Борис Цаплин. Писатель. Очень хороший. И именно по этой причине почти никому не известный. Крупный специалист по новым приключениям чужих идей и персонажей. Вот, скажем, тот же «Гамлет». Цаплин написал рассказ о том, как все персонажи встречаются на том свете. То есть, теоретически, в аду. Так вот, они там встречаются и начинают выяснять отношения, ругаются страшно, а сделать друг с другом ничего не могут: все уже и так мертвые дальше некуда; наверное, в этом и заключается «ад». И король-отец как раз наезжает на Гамлета: дескать, дурак ты, почему дядю во время молитвы не замочил? Какого черта? Сидел бы сейчас на троне, женился бы, наследника родил, династия моя не прервалась бы, – почти слово в слово, как вы говорили. Но все это, понятно, гораздо лучше, чем в моем пересказе... Слушайте, а хотите, я вам его книжку дам?

– А она у вас с собой? – удивился я.

Король кивнул и достал откуда-то из-под мантии потрепанную толстую книжку карманного формата.

– Все время с собой таскаю, Цаплина в транспорте читать – милое дело, хоть бы и по сотому разу. А транспорта в моей жизни много. Мы на окраине живем,

район Прага-9, жопа мира, страшное место.

– Спасибо, – сказал я. – Очень здорово. Я как раз ничего с собой не взял почитать, собирался впопыхах. А как я вам ее верну?

– Не надо возвращать, – отмахнулся Король. – У меня дома еще добрых полдюжины. Купил целую пачку на подарки, чтобы поддержать самый малый в мире бизнес. Совсем крошечное издательство, всех работников – директор и главный редактор, они же корректоры, верстальщики, продавцы и курьеры. Для обоих это, понятное дело, не работа, а хобби. Пять наименований в год – предел их возможностей. Но без них этих книг не было бы вовсе. Крупные акулы короткой прозы боятся пуще сглаза. Особенно качественной.

– Потому что глупые, – кивнул я. Взял книгу, пролистал, ни черта не понял, но по нескольким случайным фрагментам определил, что слог автора мне скорее приятен, чем нет, и еще раз сказал: – Спасибо. Кажется, действительно хороший. И, самое главное, мне теперь точно не придется переписывать «Гамлета». Цаплин сделал это вместо меня. Какое облегчение!

– На самом деле, «Гамлета» многие переписывали, – заметил Рыцарь. – И будут еще не раз, не сомневаюсь. Но усилия их тщетны на фоне того, что делает с «Гамлетом» Хани Йохансен. Сюжет уже пересказан от лица короля, Гертруды, Офелии и Лаэрта; в данный момент страстные поклонники ждут историю Призрака, хотя есть подозрение, что Хани обманет нас и даст слово Полонию, или Розенкранцу. Но не беда, рано или поздно, все истории будут написаны. Автор обещает, что последней станет история самого принца Гамли – Шекспир-то не от его лица излагает. Уверен, воскресни завтра автор первоисточника, кем бы он ни был, принялся бы учить датский язык специально ради удовольствия прочитать истории Хани.

– А Цаплин? – обиделся Король. – Я же тебе давал.

– Он отличный, – согласился Рыцарь. – А все-таки «Гамлет», на мой вкус, самый слабый рассказ в сборнике. Я у него люблю «Тысяча и одну ночь», «Диких лебедей», историю Великолепной Семерки – да почти все. Но «Гамлет» ему не удался.

– Хани Йохансен. Не знаю такого автора, – покаялся я. – Он или она?

– А неизвестно. Никто никогда в глаза его или ее не видел. Что странно, у нас вообще-то все друг друга знают, Дания – слишком маленькая страна, чтобы подолгу хранить секреты. Ходят слухи, что это псевдоним какого-то университетского профессора, и другие слухи, что автор уже много лет находится в клинике для душевнобольных; есть совсем уж причудливая версия, будто их двое, дескать, книги пишет какой-то таинственный иностранец, не то аргентинец, не то русский, не то вовсе японец – и делает это в союзе с датчанином, который добросовестно переводит оригинальный текст, поскольку автор считает правильным делать первую публикацию на родном языке персонажей. Да чего только не говорят. Но правды никто не знает, кроме парочки каких-нибудь юристов и бухгалтеров, чьи имена, увы, тоже тайна.

– И долго он или она так удачно скрывается? – заинтересовался я.

– Первая книга вышла года три назад, если не ошибаюсь. Вот столько.

– Ясно. Значит, Хани Йохансен. Надо будет запомнить.

– Не пригодится, – сочувственно сказал Рыцарь. – Только если вы читаете по-датски.

– Что, даже на английский не переводили?

– Нет. Не везет Хани с иностранными издателями. Сколько раз уже собирались подписывать контракт, и всякий раз в последний момент все срывалось. Я почему в курсе – моя сестра работает в книжном бизнесе. Знает, что я на Хани помешан, все новости рассказывает.

Я вдруг подумал, что он сам и есть этот загадочный «Хани Йохансен». И нахваливает сейчас свои книжки не потому, что самовлюблен, а ради удовольствия водить всех за нос, рассказывая о себе, как о таинственном незнакомце. Я бы сам так, пожалуй, делал, если бы хоть один из моих романов дожил до публикации.

– Тогда, – сказал я, – придется выпить за удачу Хани Йохансена и его или ее потенциальных зарубежных издателей. Очень уж вы меня заинтриговали. А датский язык я вряд ли когда-нибудь выучу.

– А вы попробуйте, – беззаботно предложил Рыцарь. – Учить языки легко и приятно, только начинать сложно, но если уж начал, на каком-то этапе язык вдруг сам – хлоп! – и укладывается в голову.

– Это тебе легко и приятно, – проворчал Королева. – Потому что ты гений и полиглот. Он их уже шесть штук выучил, включая, как вы можете заметить, русский, – наябедничал он мне. – Между делом, не напрягаясь. Везет потому что некоторым, я вон чешский за год едва осилил, а казалось бы, славянский язык, ничего сложного.

– У меня все ровно наоборот, – сказал я. – Начать – проще простого. Сперва учить язык ужасно интересно, меня за уши от учебника не оттащишь. Пересказываю грамматические правила как анекдоты всем, кто под руку подвернется. А через месяц-другой – все, ступор. Скучно, тошно, больше не лезет. Так ничего толком и не выучил, зато поздороваться, выругаться, сделать заказ в ресторане и попрощаться навек могу самыми разными способами. Нигде не пропаду.

– Это, наверное, потому, что вам больше нечего сказать людям, – улыбнулся Рыцарь. – Здравствуй, дай пожрать, иди в жопу и прощай, разговор закончен.

– Ваша правда, – я невольно улыбнулся и вежливо добавил: – Но бывают исключения из этого правила, сегодняшний вечер наглядное тому подтверждение.

– На самом деле, вы только думаете, что вам нечего сказать, – заметил Рыцарь. – Просто желания такого у вас нет. Желание – единственное, что имеет значение. Учить языки действительно очень легко – при условии, что вы жаждете объясниться и выслушать других. Не зря же считается, что лучший способ быстро выучить язык – влюбиться в носителя. Кстати, это чистая правда, я проверял.

– Так вот почему...

– Нет-нет, – улыбнулся он. – Таким способом я выучил только два языка из шести. Но оценил метод. Русский язык считается чрезвычайно трудным, если бы не романтические мотивы, я бы за него, пожалуй, не взялся. К счастью, это были очень длительные и серьезные отношения, так что я успел неплохо освоить

язык.

– Все бы носители так его освоили, – согласился я. – Вы меня убедили, попробую при случае воспользоваться этим методом. Больше никаких бесполезных русскоязычных возлюбленных, решено.

Коломбина что-то шепнула на ухо Королю, который продолжал добросовестно переводить ей нашу болтовню.

– Мартина спрашивает, неужели такие вещи можно контролировать? – Он смущенно улыбнулся, как бы извиняясь, что втягивает меня в глупый девчачий разговор о любви.

– Вообще-то я пошутил. Но, если серьезно – да, пожалуй, в самом начале любых отношений всегда есть момент, когда человек сам решает, влюбляться или нет. Иногда он принимает такое решение еще до встречи с потенциальным объектом страсти – намерение влюбиться есть, а кто под руку подвернется – дело десятое. Другое дело, что такое решение мало кто принимает осознанно. Но я в этом смысле зануда. Очень не люблю не понимать, что со мной происходит.

– И поэтому едва притронулись к своей рюмке? – улыбнулся Рыцарь.

– Успеется, я еще джин-тоник не допил... Но, в общем, да, поэтому.

– Ваша стойкость заслуживает уважения. Но, по-моему, изредка все-таки можно расслабиться и позволить себе не понимать, что происходит, – сказал он. – А таким людям, как вы, думаю, просто необходимо. В конце концов, даже тем, кто работает за деньги, положены два выходных дня в неделю.

Я подумал, что два дня в неделю – это, конечно, перебор. Но, скажем, один выходной раз в полгода – почему бы и нет. Тем более есть шанс, что я наконец сумею остановиться загодя, за пару-тройку рюмок до окончательного слета башни. Я, впрочем, в подобных ситуациях всегда обещаю себе, что уж на этот раз все будет под контролем, и только наутро, задним числом, обнаруживаю, что снова попался.

Но поскольку я, желая порадовать Рыцаря, сперва залпом осушил свою рюмку, а уже потом принялся размышлять, оптимизм мой был несокрушим.

Это несложное упражнение я повторил еще не раз, легкомысленно запивая коньяк остатками джин-тоника, так что когда бутылка опустела, и живые скульптуры решили догнаться пивом, мне в голову не пришло отказываться.

По правде сказать, мне немного надо, особенно на голодный желудок, а он по моему недосмотру пустовал с самого утра. Поэтому дальнейшие события я помню, мягко говоря, смутно. Одна надежда, что скучно со мной не было – в таком состоянии я, если верить отзывам свидетелей, обычно становлюсь чрезвычайно общителен и достаточно глуп, чтобы казаться занятым. Не худший, к слову сказать, вариант, во всяком случае, на серьезные неприятности я по пьяному делу ни разу не нарывался, не то что на трезвую голову.

Тем не менее, ближе к полуночи мои новые приятели куда-то подевались – надо думать, просто разошлись по домам – и со мной остался только Дикарка. Невзлюбивший меня с первого взгляда, он по какой-то таинственной причине радикально пересмотрел свою позицию и теперь вцепился в меня мертвой хваткой. То есть натурально держал за рукав и, отчаянно перемешивая чешский с русским и английским, горячо шептал в ухо какие-то фантасмагорические подробности своей роковой любви, даже стихи декламировать пытался, но вовремя остановился, сообразив, что я все равно ни черта не понимаю, а только ухмыляюсь всякий раз, как очередное полужнакомое слово покажется мне смешным. Но не обиделся, а просто снова вернулся к прозаическому изложению своих запутанных сердечных обстоятельств.

Его внезапную симпатию вряд ли можно объяснить наличием у меня готовности платить за выпивку, потому что после непродолжительных скитаний по ночному городу выяснилось, что Дикарка ведет меня не в соседний кабак, как следовало бы ожидать, а на какую-то загадочную «шикарную вечеринку». Здесь рядом, на Нерудовой, – повторял он, увлекая меня за собой куда-то по улице, идущей круто вверх, и я, помню, подумал, что Нерудова – это очень удачное решение, потому что мой отель на той же улице, следовательно, я, в случае чего, благополучно туда доберусь. Это, впрочем, была последняя здравая мысль, порожденная моей бедной бестолковой башкой.

Следующая здравая мысль посетила меня только наутро и выглядела следующим образом: «Черт, у меня же встреча!»

От ужаса я окончательно проснулся и сразу понял, что страшно замерз, зуб на зуб не попадает. Но не стал тратить время на поиски одеяла, а нашарил в кармане телефон и, внутренне содрогаясь, посмотрел время. От сердца немного отлегло: десять пятнадцать, а встреча назначена аж на полдень, так что я, по идее, все успею, если немедленно встану и... Ох.

Я огляделся и понял, что моя жизнь складывается не так просто, как хотелось бы. Взять, скажем, тот удивительный факт, что я находился в подвале. То есть не в каком-нибудь темном чулане, где хранят швабры и пустые банки для консервирования, а в хорошем, добротном средневековом подвале с низкими сводами и толстенными каменными стенами, хоть сейчас экскурсию вести. Здесь царили сумерки, щедро разбавленные зеленовато-молочным светом, а окон, кажется, не было вовсе, по крайней мере, источник света находился где-то вне моего поля зрения. Из глубокой ниши в стене на меня с ласковой укоризной взирала роскошная химера, которой, если по уму, следовало бы красоваться не в помещении, а где-нибудь на фасаде.

Все эти полезные наблюдения сделал мой автопилот, а сам я тем временем в панике озирался по сторонам, не решаясь спрашивать себя: «Где я?» и «Как я тут оказался?» – поскольку вовсе не был уверен, что действительно хочу это знать. Вот на вопрос: «Как отсюда выбраться?» – пожалуй, и правда не помешало бы получить внятный ответ. Причем немедленно.

Имелся у меня еще один неотложный вопрос: есть ли тут где-нибудь вода? На худой конец, мокрая тряпка – сейчас я бы с наслаждением ее пожевал.

В любом случае, для начала следовало подняться на ноги. Я собрал волю в кулак и мужественно сполз со своего жесткого ложа, которое при позднейшем осмотре оказалось аскетического вида кушеткой – на такой не спать надо, а сны свои психоаналитику пересказывать. По крайней мере, в кино пациенты всегда на таких возлегают.

Голова тошнотворно кружилась, но я устоял. Оглядевшись еще раз, с высоты своего нового положения в пространстве я обнаружил в изножье кушетки ящик, заполненный бутылками с минеральной водой, и не поверил своему счастью –

они же, наверное, пустые? Но мироздание было милосердно, миг спустя я трясущимися от похмелья и возбуждения руками сорвал с одной из них крышку и принялся пить. Это было так прекрасно, что все остальное утратило значение. Временно. Секунд на десять. А потом это чертово «все остальное» взяло реванш. В смысле, я снова вспомнил, что невесть как оказался в чужом подвале, а через полтора часа встреча, ради которой я, собственно, приехал в Прагу, так что надо немедленно отсюда выбраться, добежать до отеля, выжрать литр кофе, принять душ и взять предназначенный для обмена бердичевский букварь. Хотя единственное, чего мне сейчас по-настоящему хочется, – это тихо, без мучений скончаться, не оставив завещания, или хотя бы просто полежать в темном углу месяц-другой, и чтобы никто не трогал.

Я в очередной раз огляделся – надо понимать, в поисках подходящего темного угла – но вместо него обнаружил светлый. Вернее, угол, за которым явно горел свет. И потопал туда, как гигантская ночная бабочка, внезапно разучившаяся летать.

За углом мне был явлен крошечный коридор и выход на винтовую лестницу. Тусклый дневной свет пробивался из закрытого окна, метрах в четырех над моей головой, а из помещения наверху, казавшегося пока бесконечно далеким, почти недостижимым, лился электрический, изумрудно-зеленый. Это отчасти примирило меня с незнакомым местом, я сам когда-то такие зеленые лампочки дома вкручивал, чтобы почувствовать себя счастливым аквариумным жителем. Потом, правда, надоело.

Как и положено глупой ночной бабочке, я устремился вверх, к изумрудному сиянию. Карабкался, цепляясь за перила, по дороге пытался припомнить, чем закончились мои вчерашние похождения. Безрезультатно. Вечеринкой, надо понимать, наслаждался только мой автопилот, во всяком случае, я не мог вспомнить даже лицо хозяйки дома... или хозяина? Или их было двое? Неведомо. И уж тем более я не знал, придется ли сейчас извиняться за свое давешнее поведение или достаточно будет вежливо поблагодарить за кров и воду. И, кстати, интересно, разрешат ли мне зайти перед уходом в туалет – этот вопрос понемногу становился более чем актуальным. Органическая жизнь – чрезвычайно сложный процесс, удивительно, что я уже столько лет худо-бедно, а все же справляюсь с этой работой. И не только я.

Лестница привела меня в короткий коридор, освещенный целой гирляндой зеленых фонарей. Здесь я обнаружил три совершенно одинаковые двери из светлого дерева; впрочем, в таком освещении они казались зелеными. Одна была слегка приоткрыта, я, недолго думая, туда сунулся и оказался в небольшой, ярко освещенной напольными лампами комнате с черными стенами, такими же черными шторами на окнах, белоснежным полом и потолком, плоскость которого неведомый дизайнер интерьеров закрутил причудливой черно-белой спиралью. Эффектное помещение, но, прямо скажем, не совсем подходящее для человека в тяжелом похмелье. У меня сразу же закружилась голова, а колени превратились в дрожащее желе, но я находчиво ухватился за дверной косяк и устоял.

Комната была практически пуста, только пылающий камин в дальнем углу, такой же черный, как стена, к которой его пристроили, круглый стол из белого мрамора и два черных кожаных кресла. В центре стола красовались большой черный чайник и белоснежный кофейник. Чашки и блюда не нарушали установившуюся гармонию, один комплект был цвета сажи, другой – молока. В одном из кресел сидел очень бледный брюнет в белом льняном костюме и ел рис из черной пиалы.

В такой монохромной обстановке я почувствовал себя непристойно разноцветным и чуть было не сбежал обратно, в зеленый холл, но незнакомец уже повернулся ко мне, сверкнул черными, как спелые вишни, глазами, одарил белозубой улыбкой. Он выглядел так приветливо, что я понял: кажется, извиняться не придется – ни за вчерашнее поведение, ни даже за собственную окраску. Ну хоть какое-то облегчение.

– Хотите чаю? – спросил брюнет. – Или лучше кофе? Впрочем, я бы на вашем месте выпил и того, и другого. Не помешает.

Он говорил по-русски так же бегло и уверенно, как мой вчерашний знакомый Рыцарь. Но, в отличие от него, почти без акцента. Надо же, какие все вокруг полиглоты и русофилы.

– Спасибо, – сказал я. И, неловко замявшись, добавил: – Доброе утро. Я бы с радостью – и чаю, и кофе, но у меня в полдень встреча, а я очень не люблю опаздывать.

– Самый надежный способ не опоздать на вашу встречу – это остаться здесь, – улыбнулся незнакомец. – Насколько я понимаю, встречаться вы собрались со мной. Вы – Филипп Карлович, верно? За ключом приехали. Из Вильнюса. А я и есть счастливый владелец этого предмета. Болеслев. Можно просто Лев. Даже желательно – все русские друзья меня так называют, я привык. Ну что, сошелся наш пасьянс?

– Ничего себе, – вздохнул я. – Еще как сошелся. Опаздывать я, конечно, не люблю. Но прийти настолько заранее – такое со мной впервые.

– Садитесь же, – настойчиво сказал хозяин. – В ногах правды нет, тем более в ваших. Тем более сейчас и здесь, в этой комнате. Я ее специально так отделал, чтобы мучить похмельных гостей. Но мучить лично вас я не намеревался. Извините.

Я наконец отважился отлипнуть от спасительного косяка, решительным рывком пересек комнату и упал в кресло. Залпом выпил кофе из предусмотрительно наполненной для меня чашки, даже молоком не разбавил и сахару положить не потрудился, хотя вообще-то несладким я этот напиток не жалую. Но он был мокрый, а сейчас только это имело значение.

– Неловко получилось, – сказал я, временно прибодрившись, пока еще не от кофеина, а от горького вкуса. – Я напиваюсь примерно раза два в год – и, надо же, именно вам посчастливилось стать свидетелем этой уникальной гуманитарной катастрофы.

– Катастрофа не состоялась, – отмахнулся он. – Вы были совершенно очаровательны даже с точки зрения трезвого человека вроде меня. Особенно в сравнении с подавляющим большинством моих постоянных гостей.

– Да, по отзывам свидетелей, автопилот у меня более-менее обаятельный, – покаянно вздохнул я. – А чем все закончилось? В смысле почему я остался у вас ночевать?

– Ну как – почему? Вы мирно уснули в кресле, предварительно сообщив мне, что вас, к сожалению, ждут в другом месте. В контексте прозвучало просто прекрасно. «Меня ждут в другом месте» – это гораздо лучше, чем «спокойной ночи». С вашего позволения возьму в оборот.

– Берите, – согласился я. – Чего уж там. Ваш дом на Нерудовой, насколько я помню? Мой отель в двух шагах. Если не возражаете, я сейчас отправлюсь туда, приму душ, приведу себя в порядок и вернусь к полудню.

– По правде сказать, я распорядился, чтобы для вас приготовили ванную, – сказал Черногук. – Думаю, все уже сделано. Но если вы непременно хотите вернуться в отель, неволить не буду. Однако должен заметить, что здесь вас ждет не какой-нибудь гостиничный душ, а джакузи с морской солью и смесью ароматных масел. А сэкономленное время можно, ко взаимному удовольствию, употребить на завтрак. Мой вам совет: не ходите вы никуда. Оставайтесь.

Предложение его звучало более чем соблазнительно. Не из-за ароматных масел, сибарит из меня, прямо скажем, никудышный. Просто в ванную можно было нырнуть безотлагательно. А до душа еще дойти надо. Близко, конечно, но в моем нынешнем состоянии каждый шаг – подвиг. И, самое главное, где-то рядом с ванной непременно есть туалет, так уж заведено. И это решает все.

Но чувство долга все же победило телесную немочь.

– Букварь-то в отеле, – обреченно сказал я. – Так что придется...

– Ерунда какая. Потом принесете, – отмахнулся хозяин. – Я буду только рад поводу еще раз заполучить вас в гости.

– Ну тогда – пожалуй.

У меня больше не было сил сопротивляться.

– Йозеф, – позвал Лев, почти не повышая голоса, и из-за черной шторы вынырнул плечистый, коренастый карлик в одежде, больше всего напоминающей костюм киношного ниндзя, только лицо открыто.

Не назвал бы это верным решением. Йозеф был неописуемо уродлив – настолько, что казался не живым человеком, а произведением какого-нибудь сумрачного гения, специализирующегося на декоративной резьбе по картофельным клубням.

При виде этой несказанной красоты я начал подозревать, что так и не проснулся. И слегка забеспокоился. Сон, конечно, увлекательный, кто бы спорил, но так и встречу проспять можно. Однако проснуться не удалось, как я ни старался. Пришлось оставить все как есть.

Лев тем временем что-то негромко сказал по-чешски, карлик молча кивнул, одарил меня неожиданно обаятельной улыбкой, и я последовал за ним в волшебное царство воды, кафеля и фаянса – иного определения для открывшегося моему взору великолепия подобрать невозможно.

Примерно через полчаса я вернулся в черно-белую комнату в состоянии настолько сносом, что его можно было бы назвать хорошим – если бы не яркие воспоминания о недавно перенесенных муках и смутное опасение, что забастовка мстительного организма может возобновиться в любой момент. К тому же теперь я знал, что за черной шторой скрывается ужасающий Йозеф. Это меня слегка нервировало. Но не настолько, чтобы отказаться от завтрака.

Хозяин дома все еще терзал свой рис. Впрочем, на столе появилась и другая еда, такая же вызывающе разноцветная, как я сам. Я снова почувствовал себя разрушителем гармонии.

– Пока вы отсутствовали, я заготовил ответы на вопросы, которые вы наверняка хотите задать, – деловито сказал Лев. – Вы ешьте, а я на них отвечу.

Я удивился, но промолчал. Пусть отвечает, интересно же.

– Во-первых, я сразу узнал вас по фотографиям, которые из любопытства отыскал в Интернете, готовясь к встрече. К слову, нашлось всего два изображения, вы, как я понимаю, не любитель презентовать свою персону. Но для опознания достаточно. Далее. В моем доме вы вчера оказались совершенно случайно. Я сам удивился, когда вас увидел. Простое совпадение, так бывает. Вас привел мой знакомый, Павел Дякель. Славный человек, но конченный, к сожалению. Еще пару лет назад был довольно популярным психотерапевтом, хорошим или нет, судить не могу, но успешным. Теперь это в прошлом, как вы сами могли убедиться. Где вы с ним, кстати, познакомились?

– В «Blue Light». Симпатичный бар. И, насколько я понимаю, где-то недалеко отсюда.

– Совсем рядом. Неплохое место, вы правы.

– Он был с компанией молодых ребят из FAMU, все в костюмах живых скульптур, красивые до невозможности. Я, собственно, с ними зацепился, а этот ваш Павел весь вечер смотрел на меня волком. Но в итоге мы с ним почему-то остались вдвоем.

– А он на всех волком смотрит, – улыбнулся Лев. – И это, надо сказать, колоссальный прогресс. Еще год назад просто начинал рыдать после первого же глотка пива. Или даже вовсе без дополнительных стимулов. На самом деле, вы, надо понимать, произвели на Павла колоссальное впечатление, если уж он привел вас сюда. Вернее, приволок как добычу, чтобы бросить к моим ногам. Знает, что я большой охотник до непростых людей... Впрочем, я обещал ответить на ваши невысказанные вопросы, а сам сбился. Извините. Так вот, что касается вчерашнего вечера, который, как я понимаю, вы совершенно не помните. Вам не следует об этом беспокоиться, вы действительно производили прекрасное впечатление. В противном случае, я бы не пригласил вас к завтраку. Неприятных людей я предпочитаю видеть только после полудня. Утром все и так достаточно непросто.

Я невольно улыбнулся.

– Вы сова?

– Был когда-то. Потом пришлось приучить себя эффективно функционировать во всякое время суток. Но любить утро для этого не обязательно. Я и не полюбил.

Он съел еще немного риса и продолжил:

– Следующий ваш вопрос, по моим расчетам, должен быть про язык. Это просто, у меня был бизнес в России. Да-да, разумеется, в девяностые. В том числе. По выражению вашего лица вижу, что вы примерно представляете, о чем речь. Прекрасные языковые курсы, лучше не придумашь. И, наконец, последнее. Я ем рис не потому, что он белый. Просто такая диета. Очень полезно начинать день с большой порции риса басмати. Знали бы вы, как он мне надоел. Но пока

держусь.

Я невольно улыбнулся – вопрос про рис действительно вертелся у меня на языке, но задать его я бы, пожалуй, не решился.

– Ну вот, вроде разобрались, – деловито сказал Лев. – Или нет? Спрашивайте, если я что-то упустил.

– Подвал, – сказал я. – Совершенно роскошный у вас подвал. Вы туда нарочно пьяных гостей складываете? Чтобы неповадно было?

– Совершенно верно. Нарочно. Там прохладно, а это способствует протрезвлению. Впрочем, вам достался, можно сказать, номер ВИП, прочие гости обычно спят в соседнем помещении, вповалку, на прекрасных жестких гороховых матрацах. Там потолок пониже, света поменьше и копии сокровищ Костницы[5 - Костница – церковь в чешском городе Кутна Гора; убранство и украшения в этом храме сделаны из человеческих костей; как выглядят копии «сокровищ Костницы», представить, таким образом, несложно.] по стенам развешаны – в целом, обстановка весьма духоподъемная. В первый момент народ обычно шалее. А хорошая порция адреналина с утра – это даже лучше, чем кофе. Но вас я, разумеется, решил избавить от такого пробуждения. Впервые пожалел, что в моем доме нет нормальной комнаты для гостей. До сих пор в ней не было нужды.

– Не страшно, – сказал я. – Спасибо, что уложили меня отдельно, очень не люблю спать в одном помещении с другими людьми, потом полдня ощущение, что меня пожевали и выплюнули. Хотя взглянуть на вашу ночлежку было бы любопытно. Впервые такое вижу – чтобы вытрезвитель располагался в том же доме, где проходит вечеринка. Очень удобно. Штрафы поутру с гостей берете?

Лев лучезарно улыбнулся.

– Подумываю об этом. Я, знаете, все жду, когда хоть кто-нибудь рассердится на меня за такое гостеприимство. Я бы сам в дом, где пьяных гостей в холодном подвале вповалку складывают, ходить не стал. Но всем кажется, ради знакомства со мной еще и не такое можно стерпеть. Я – важная персона.

Его признание прозвучало естественно, даже небрежно. Чувствовалось, что этот факт не вызывает у Льва ни гордости, ни, напротив, досады. Таким тоном обычно сообщают самые незначительные сведения о себе: «У меня красный рюкзак» или «Я заказал шницель». Высокий класс. Я оценил.

– В целом, следует признать, что моя попытка накормить всех голодных художников Праги одним махом оказалась не слишком удачной, – подытожил Лев.

– Ну так кормить надо в индивидуальном порядке, – сказал я. – А всех сразу только напоить и можно.

– Совершенно верно, – согласился он. – В индивидуальном порядке я, разумеется, тоже подкармливаю – некоторых. А вот мои знаменитые вечеринки – вполне бездарная затея. Всем весело – кроме меня. Все довольны – кроме меня. Все на рогах...

– Кроме вас? – подсказал я.

– Совершенно верно. Видите ли, я всю жизнь, сколько себя помню, очень много работал. И немало успел сделать. Чего я не успел – так это понять, что мне действительно нравится. Разбираюсь теперь на досуге, по ходу дела. Поэтому сперва стал центром небольшого человеческого космоса, всеобщим покровителем и благодетелем, а уже потом понял, что это довольно скучно. Я хочу сказать, люди, по большей части, скучны. И до смешного похожи друг на друга. Даже художники, артисты и прочая богемная публика, а ведь как я на них рассчитывал! Потому и решил создать вокруг себя соответствующую среду. Завел книжное издательство, небольшую галерею, вложил в театральный фестиваль, профинансировал пару кинофильмов, еще кое-что по мелочам. Не выгоды ради, понятно, в таких делах по нулям выйти – и то неплохо. Среду я, конечно, создал, почиваю теперь на лаврах, вокруг так называемая интеллектуальная элита скачет, развлекайся – не хочу. Надоела мне эта публика – слов нет. Вы, я смотрю, не удивлены. Сами пришли к такому же выводу?

– Скажем так, – осторожно начал я. – Люди, которые нуждаются в покровителях и благодетелях, по большей части, действительно довольно скучный народ. А у вас, как я понимаю...

– Ну да, да, – энергично подтвердил он. – Отбор изначально неправильно организован, совершенно верно, я уже и сам понял. Однако прекращать все это пока жалко. Пусть будет. Вот и развлекаюсь как могу. При желании мог бы написать руководство «Как получить удовольствие от общения с богемой». Забавное будет чтение, но бесполезное, мало кому по силам воспроизвести мои наработки в домашних условиях.

– Небось камеру слежения в подвале со скелетами установили? – Я не хотел его дразнить, но вопрос сам сорвался с языка, прикусить который мне удалось только задним числом.

– Разумеется, – сдержанно кивнул Лев. – И не только там. Развлечение, прямо скажем, бесхитростное. Но захватывающее, чего уж там. Слышали бы вы, как они грызутся за мое внимание – по пьяному-то делу, без тормозов. И смех, и грех. Быть полезным человеком чрезвычайно познавательно. От души порекомендовал бы этот метод всякому, кто желает быстро и качественно разочароваться в ближних. Счастье, что я сам никогда не был особо очарован. Бог миловал.

– Всегда подозревал, что наилучшая позиция – быть совершенно бесполезным для окружающих. Сторонним наблюдателем. Неуловимым Джо, который на фиг никому не нужен, – сказал я.

– Действительно прекрасная позиция. Если такое положение дел – ваша реальность, а не абстрактная далекая цель, примите мое восхищение. Но мне это не подходит. Я, видите ли, очень люблю власть. Сам удивился, когда понял, насколько. Но тут уж ничего не поделаешь, я таков, каков есть.

Несмотря на смиренный тон, он выглядел совершенно довольным собой. До меня наконец дошло, что Лев хочет мне понравиться. Это, по правде сказать, было чертовски приятно. Сам я никогда не предпринимаю специальных усилий, чтобы понравиться другим людям, но очень люблю, когда они сами стараются меня очаровать. Такая вот специфическая разновидность тщеславия, заменяющая мне стремление к власти и прочие полезные в быту симптомы гордыни.

Лев как будто прочитал мои мысли. Во всяком случае, он вдруг ослепительно улыбнулся и, понизив голос до доверительного полупшепота, признался:

– Только сейчас понял, что стараюсь пустить вам пыль в глаза. Дескать, смотрите, сколь многого я добился, и сколь неудовлетворительным полагаю сей блестящий результат. Похоже, я хочу с вами подружиться.

– Если так, у вас прекрасно получается, – сказал я. И был честен как никогда.

– Тем лучше, – деловито кивнул Лев. – Значит, я уложился в срок. Потому что до полудня осталось... – он поглядел на часы. – Тридцать секунд. Двадцать пять. Двадцать. – Отправил в рот остатки риса, быстро, почти не разжевывая, проглотил, поставил пиалу на стол и удовлетворенно заключил: – Все. Полдень. Приступим к делу. Йозеф, принеси, пожалуйста, ключ.

Уже знакомый мне карлик появился из-за черной шторы, стремительно пересек комнату, вышел и почти сразу вернулся. В руках у него аккуратный сверток. Йозеф положил его на стол и исчез. То есть теоретически я понимаю, что карлик просто отправился в свое укрытие, но отследить его путь к окну мне не удалось. Хотя я вроде бы вовсе на него – не таращился, конечно, но косился с усердием.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Район Вильнюса, до сих пор застроенный, по большей части, двухэтажными домами, окруженными палисадниками.

2

«Татарская пустыня» (в русском прокате «Пустыня Тартари») – Фильм режиссера Валерио Дзурлини по одноименному роману Дино Буццати. И книга, и фильм наполнены ожиданием грядущей великой битвы при почти полном отсутствии действия как такового.

3

Так называется художественная галерея, расположенная в Вильнюсе, в районе под названием Ужупис («Заречье»).

4

FAMU – Пражская киношкола, подразделение Академии изящных искусств в Праге (FILMOVÁ A TELEVIZNÍ FAKULTA AKADEMIE MÝZICKÝCH UMĚNÍ V PRAZE), основана в 1946–1947 годах.

5

Костница – церковь в чешском городе Кутна Гора; убранство и украшения в этом храме сделаны из человеческих костей; как выглядят копии «сокровищ Костницы», представить, таким образом, несложно.

Купить: <https://telnovel.com/ru/maks-fray/klyuch-iz-zheltogo-metalla>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)